

Անործ Դրեւաձեւ

ՃՕԾՋԱ

Երանկանի Կոմիտասի Գրքարանքի Գլխավոր Գրքարան

Моим детям Диане и Ивану

بِسْمِ اللَّهِ الرَّحْمَنِ الرَّحِيمِ

ХОДЖА

Восемь принципов тихого зикра¹ ордена Ходжаган².

пьеса в двух частях

Действующие лица:

ан-Насир, халиф Багдада, араб.

аль-Кумми по прозвищу «Бармакид», вазир халифа, утверждает, что перс.

Насир ад-Дин, ходжа, национальность его осталась автору неизвестной.

Сарыбек, купец, узбек.

Гюндогды, управляющий Сарыбека и телохранитель, туркмен.

Зухра, наложница Сарыбека, берберка.

Бобожон, купец, узбек.

Монах-бенедиктинец, курд.

Дервиш, франконец.

Джанане, персиянка.

Алпан Алхан, джинн.

Бахира, его жена, тоже джинн.

Хайда, его дочь, естественно, тоже джинн.

Охотник на птицу Рух, грек.

Воины футуввы, слуги, жители...

¹ Зикр - исламская духовная практика. В узком смысле - многократное повторение имен и качеств Аллаха, или формул с Его именем вслух (джахри - громкий зикр), или про себя (хафи - тихий, внутренний). В широком смысле – медитативная практика, все виды молитв и намазов. Особое значение имеет в суфизме. Абд аль-Халик Гиждувани (XII в.) разработал метод внутреннего созерцания, безмолвной медитации и молитвы, ставший следующим этапом для ордена Ходжаган, и развитый затем Накшбанди.

² Ходжаган – мастера, учителя.

Что бы вы ни вообразили — Аллах противоположен этому.
Зун-Нун аль-Мисри.

1

هوش در دم

Хуш дар дам.

Сознательное дыхание.

Следи за каждым своим вдохом и каждым выдохом, и ощутишь присутствие Его.

1214 г. Бивак у Харрана - города звездочетов и магов. Неподалеку, слева, высокая городская стена из крупных камней и башни крепости, справа и за биваком пустыня. Ночь накануне дня весеннего равноденствия - праздника Нового года, Навруза. Множество огней, на стене и башнях крепости, на холмах - костры, лампы. Веселье - девушки и парни прыгают через огонь, поют, танцуют. Танцовщицы, фокусники, шум толпы, разноцветные наряды. Здесь, в основном, живут язычники-сабатеи, не принявшие ислам.

Компания у скатерти-дастурхана.

Бобожон. Эх! ты посмотри, ты посмотри, как скачут. Горные козочки, тушканчики!.. Вон та особенно... Ах! *(чмокает языком)* *(Сарыбеку)* Твоя берберка тоже ничего. *(кивает на Зухру)*

Сарыбек. Второй год ее таскаю за собой...

Бобожон. Ну? Давно не виделись...

Сарыбек. Хороший праздник Навруз. Новый год, новая весна, новая жизнь... Люблю его. Сегодня всех угощаю. В каждый котел – по три изрубленных барана, мешок риса, добрая тарелка курдючного жира и полмешка сушеной моркови... Зухра, почитай нам, услади наш слух хорошими стихами...

Зухра капризно морщит лицо и целует руку Сарыбеку.

Бобожон. Вон та! Ой-ой-ой! Всё, убежала...

Сарыбек. Бобожон-ака, если ты хочешь женщину или мальчика...

Бобожон. Козочка... Мальчики хороши в Кандагаре... Тушканчик...

Сарыбек. Успокойся, дорогой Бобожон-ака, они еще тут две недели будут скакать, а нам - в путь, хоть и в разные стороны, - побереги силы. Красиво... Все они тут, в Харране, огнепоклонники... Но зато у них всегда можно добыть отличного вина или доброго крепкого набиза³.

Бобожон. Эх, почтенный Сарыбек-ака, давно ли я сам так прыгал через костер в такую же светлую же ночь... Я о том, что вот время, Сарыбек-ака, проклятое время... Оно уходит...

Сарыбек. Э-э... *(вздыхает, Монаху)* Что скажешь, христианин?

³ крепкий напиток типа водки из винограда или фиников. Существовал и «слабый» вариант.

Монах. Про время никому ничего доподлинно не известно. Падаешь в него, а там – куда вынесет...

Зухра пристально смотрит на Монаха. Толпа постепенно перемещается дальше в пустыню, почти не слышна.

Сарыбек. Это точно. Ничего не известно. Кроме того, что оно уходит!.. Ха-ха... *(Бобожону)* У храма их Лунного, в Харране, встретил этого монаха, ха. Он, видать, греха не боится, - внутрь заходил, к идолам их сабийским... Хочу сейчас с ним о деле потолковать. О! *(Монаху)* Ты бы тоже попрыгал, монах, ха, ха.

Монах. Благодарю.

Сарыбек. Шучу, шучу. Ты, угощайся. *(Дервишу)* А ты, дервиш? Ты к храму Луны, конечно, не ходил, а ходил исключительно к Райской мечети и медресе. И через костры ты не прыгаешь.

Дервиш. Когда был ребенком, прыгал.

Сарыбек. Вот и я также. Только давно это было. А теперь, значит, вырос... Зачем, спрашивается?.. Зачем я вырос?.. А вот бы сейчас и прыгнул. Пусть вся гадость этой жизни сгорит навсегда и не вернется.

Бобожон. Что ж не прыгаешь?

Сарыбек. А потому что ты, добрейший Бобожон-ака, первым всем в Бухаре об этом и расскажешь. Скажешь – знайте, правоверные, все знайте - Сарыбек в Харране с огнепоклонниками через костры прыгал... Да и от себя прибавишь еще и разрисуешь... Правда, дорогой?

Бобожон. Э, Сарыбек-ака!

Сарыбек. Э, Бобожон-ака! Расскажешь... Ну, да ладно. Говорю всем, я не огнепоклонник... Пусть знают и люди, и джинны, и все прочие. Слышишь, христианин?

Монах. Мне то что?.. Да они и не огню поклоняются, - а в звезды верят. И в лунного старика Сину... Он плывет по небу в своей двузубой ладье, и его синяя борода развеивается, и тьма отступает... Огонь для них, как для нас, христиан, икона – только знак, символ, окно в другой мир.

Сарыбек. Ай-ай-ай, неужели ж вы через свои иконы прыгаете? Ха-ха-ха... Хороший праздник Навруз... И город хороший... Только, вижу я, долго он не протянет... Ну, мы, кажется, наелись, альхамдулиллях⁴ *(все, кроме Монаха повторяют и чуть облизывают три пальца на правой руке)*, и стало прохладнее, и не худо бы теперь в честь праздника и доброй компании пустить по кругу добрую чашу вина... Глядишь, и все пойдем прыгать... Дай-ка мне, христианин, вон тот мех. *(Монах подает)* Это хороший мех... Из шкуры двухмесячного козленка, отлично натерт солью снаружи и пропитан дегтем изнутри, купил его в Кульзуме... И вино славно... Когда я бываю в Харране, всегда беру его у одноглазого Анвара, у Халебских ворот... *(наливает в чашу)*

Бобожон. Козочка...

Сарыбек. Э-э...Бобожон... Ака... Если ты хочешь поразвлечься... Сейчас найдем...

Бобожон. Козочка...

Сарыбек. Нушануш!⁵ *(пьет)* Ух, хорошо! Выпей, почтеннейший Бобожон-ака! Пусть мы в новом году наторгуем втрое больше прежнего золотых магрибских динаров!

⁴ хвала Аллаху.

⁵ На здоровье! Да будет сладостно вино!

Бобожон. Нушануш! *(пьет)*

Сарыбек. Теперь ты, дервиш.

Дервиш. Благодарю, почтенный. Я не буду.

Сарыбек. Ты уверен? Как знаешь. Я выпью за твое здоровье. Нушануш! *(пьет)* У меня, кстати, есть и пиво-фука́, ячменное, с изюмом... Многие имамы разрешают...

Дервиш. Нет, спасибо.

Сарыбек. *(Бобожону)* Денег у него, как у всякого дервиша, понятно, нет, а, однако же, собрался в Багдад... О!... В других городах он, как обычно эти святоши делают, альфáтихой⁶ разный люд благословлял, ему кой-чего и давали. А здесь кого благословлять-то? А? Сплошь неверные. Ха-ха... *(Дервишу)* Шучу. Правоверных наших братьев здесь тоже хватает, хвала Аллаху, если даже медресе есть. Но благословляться не хотят! Ха-ха... Поможешь мне, дорогой, я тебе на дорогу дам. Сейчас поговорим... *(Монаху)* Ну, тогда ты, христианин. Тебе ведь можно.

Монах. Можно не всегда. Ваше здоровье. *(берет чашу, пьет. Сарыбек берет чашу, передает Зухре, она пьет молча, берет барбет⁷, бросает взгляд на Монаха, наигрывает, напевает)*

Сарыбек. Еще бы напоить живущих здесь джиннов, чтоб ничего не испортили...

Бобожон. Эй, джинны!

Сарыбек. Ты что!? И вообще. Мы не сказали «ля-хауль», чтоб отогнать проклятого Иблiса... Ну-ка, все!

Все. Ля-хауль!

Гюндогды. *(вбегает, выхватывает саблю, с ним вооруженные люди)* Ла хаула ва ла куввата илла биллахи⁸! Что? Что тут?

Сарыбек. Тихо, тихо, Гюндогды, всё хорошо. Празднуем Навруз. Выпей с нами, садись. Люди пусть идут к верблюдам и сторожат товар. *(Гюндогды дает знак, молча садится, пьет, люди уходят)* *(Бобожону)* Туркмен... самый храбрый народ на свете. Да, Гюндогды? Как-то оказался я в его землях... В пустыне у Хазарского моря... Ни за что бы не поехал, потому что там одни разбойники живут. И промышляют только аламаном – грабежом то есть.... Но у хивинского эмира, как бы это сказать... В общем, ничего у него с женами не получалось... И назначили ему лекари буйволиное молоко. А где там, в Хиве, хорошие буйволы-то? Он ко мне – выручай, Сарыбек, проси золотых динаров сколько хочешь и езжай к туркменам. Я тебе охранную грамоту дам, а воинов, не дам, а то эти туркмены всех порежут. Тут дипломатией и хитростью надо. А войска я как-нибудь туда потом пошлю. Сейчас не до того. Ну, я взял проводника и отправился... Добрался до Кизил-Этрека, меня в его аул направили – там, мол, лучшие белые буйволицы, поезжай, выбери сам. Приехал, устал, как верблюд после похода, сторговал буйволиц, вроде всё спокойно, даже мирно так. Надо где-то на ночь определяться. Тут он и подходит. Пошли, мол, ко мне. Пошли, говорю. А он мне – только знаешь, мне тебя угостить, как надо, нечем. Не можешь ли одолжить мне до завтра пять дирхемов? Ну, чтоб я тебя достойно принял. Я одолжил, конечно... Сидели, харiс⁹ ели, кумыс пили, про жизнь свою рассказывал... Мы, говорил, туркмены, на одном месте не можем. Потому что всё в мире движется, посмотри – солнце, луна, звезды, вода, животные, птицы и рыбы - все движется. Только мертвые и земля недвижимы... А утром обнялись, я

⁶ аль-Фатиха – первая сура Корана.

⁷ струнный музыкальный инструмент типа лютни.

⁸ нет мощи и силы ни у кого, кроме Аллаха.

⁹ мясо с мелко толченой пшеницей.

уехал – догоняет с толпой таких же головорезов. Давай, говорит, почтенный Сарыбек-ака, кошелек. Я ему – да ты что, побойся Аллаха!? А он за саблю. Так, Гюндогды?

Гюндогды. *(довольно)* Так.

Сарыбек. Отдал ему кошелек. А он мне – вот что, почтеннейший, я там у тебя вчера пять дирхемов одалживал, так вот, на, возьми. И дает мне из моего же кошелька пять дирхемов!

Бобожон. Хм.

Сарыбек. Тут еще толпа подъехала. Покричали, и все дружно обратно поскакали. Ну, я буйволиц с проводником бросил, и за ними. А там уже всё селение собралось, все в шапках своих туркменских. Выходит самый старейший, мулла, и говорит, мол, что же это такое, братья - и Ургенч, и Самарканд, чуть не пол Хорезма, в общем, собирали дань в Мекку на караван-сарай для паломников... святое дело!.. И шел тот караван в наших местах... И вот один из нас тот караван ограбил, проклятый харемзаде¹⁰! И спрашивает у этого молодца – ты? А он гордо так выходит, и говорит – я! Тут все зашумели, и так, и эдак... И про совесть ему, и про веру, и что Аллах накажет... А тому всё нипочем ...

Бобожон. Хм...

Сарыбек. Говорит, у тебя, мулла, *язык* шариат. А мой шариат – мой меч. Я ему - как же ты так можешь, шайтан тебя забери!? А он мне - а в твоих краях что, не грабят? На что же там народ живет?.. Нушануш! *(пьет)* Как же было такого джигита с собой не взять. Теперь вот командует моими гулямами¹¹ и меня охраняет. Как тебе такой шариат, дервиш?

Дервиш. Кто я такой, чтобы кого-либо судить?

Сарыбек. Все мы – «кто мы такие»... Выпей, христианин.

Монах. Благодарю. Ваше здоровье. *(пьет, возвращает чашу)*

Сарыбек. Держи чашу, дорогой Бобожон-ака. В другой раз, глядишь, ты будешь меня угощать. Это вино, что надо. Называется «шира́», багряное, как закат перед жгучим хамсином¹², нежное, как, как губы моей Зухры, и такое же, как они, сладкое... Нушануш! *(пьет, передает чашу Зухре, она пьет, потом Бобожону)*

Бобожон. А ты... часто пьешь? Нушануш! *(пьет)*

Сарыбек. Э, хитрый Бобожон-ака!.. Клянусь Аллахом, я пил в своей жизни только раз!.. Все остальное время я только опохмеляюсь. *(смеется, Бобожон за ним)*

Бобожон. *(неожиданно, Монаху)* А ты, монах, мне не нравишься...

Монах. Что поделать?

Бобожон. Не потому, что ты насара-христианин. Это мне безразлично. Ты слишком хорошо говоришь на фарси для варвара... Я говорю хуже. Зачем ты притащился в Харран? *(Монах встает)*

Сарыбек. *(Монаху)* Сиди, пожалуйста. *(Бобожону)* Бобожон-ака, он такой же путник, как мы, и он гость за этим дастарханом¹³. Я пригласил его.

¹⁰ нечестивец.

¹¹ гулям – раб, слуга.

¹² жаркий сухой ветер.

Дервиш. Нехорошо это. Сам Пророк, саялляху алейхи ва сálлям¹⁴, учил быть добрым к гостям.

Бобожон. *(Дервишу)* А ты мне тоже не нравишься. Еще больше, чем он. Взгляд у тебя... иногда... совсем не дервишеский... И рожа знакомая... Только с бородой... Не тебя ли я видел у крестоносцев в Акре полгода назад?

Сарыбек. Слушай, что дервишу там делать? А если и был, то что? Мы же вот сидим среди этих безбожников и чародеев. *(машет рукой в сторону города)*

Монах. *(садится, миролюбиво)* А вот я-то как раз оттуда иду... Может, меня ты там видел?

Бобожон. Может.

Монах. Сюда, в Харран, из Ура пришел Авраам... Жил здесь с Саррой... Отец его здесь умер... Отсюда Авраам пошел к своей новой земле... Отсюда всё начиналось. Вообще всё... Всегда хотел здесь побывать... У самого начала. Дом его посмотреть... А что до фарси... Я знаю еще несколько языков.

Зухра перестает играть.

Сарыбек. Да, пророк Ибрахим, алейхи ас-салам¹⁵, жил здесь... Верно, дервиш?

Дервиш. Верно. Правда, христианин, мы, мусульмане, считаем, что здесь он и родился... Он не был ни иудеем, ни христианином, а был он ханифом предавшимся и не был из многобожников... Благодарю, Сарыбек, я должен совершить саят аль-и'ша¹⁶.

Сарыбек. Погоди, в путешествии достаточно трех намазов.

Дервиш. Полночная молитва, какой бы короткой ни была, самая действенная. И Аллах слышит ее лучше всего.

Сарыбек. Ну, погоди, успеешь. Я еще с тобой не поговорил. *(замечает Ходжу)* О, Хаджи Фируз, Хаджи Фируз, иди к нам! Поздравь и нас с Наврузом, а мы тебя угостим!.. А жить тут – э-э... Через месяц-два будет такое пекло...

2

نظر در قدم

Назар дар кадам.

Наблюдение за шагами.

Смотри только туда, куда ступают твои ноги. И больше никуда.

¹³ дастархán – скатерть, невысокий стол.

¹⁴ да благословит его Аллах и приветствует.

¹⁵ мир ему.

¹⁶ ас-саят (перс.) – намаз (тюрк). И'ша – ночной намаз, между вечерней и утренней зарей.

В костюме Хаджи Фируза¹⁷ (красной рубашке и штанах, высоком красном колпаке) появляется Ходжа. Лицо и руки черного цвета, в руках бубен, на плече сумка.

Ходжа. Да я пару чашек супа уже заработал... *(ударяет в бубен)* Хожу, пою, пляшу, гуляю, всех с Наврузом поздравляю!.. *(пауза)* Еще раз. Хожу, пою, пляшу, гуляю, всех с Наврузом поздравляю!.. Это всё, дорогие. Ас-салям алейкум, правоверные. *(Монаху)* И остальные тоже ас-салям. Сказать по чести, меня уже ноги не носят, и язык во рту точно ветка саксаула. А еще завтра стучать в бубен. Давайте вон ту рыбу, я пошел.

Сарыбек. Ва алейкум ас-салям... А я думал, ты тоже язычник из этих... В этом наряде... А ты правоверный. Это хорошо. *(дает рыбу)*

Ходжа. Если тебя спросят - веришь ли ты в Аллаха?, - не отвечай ничего. *(берет рыбу, нюхает, осматривает)* Скажешь «нет» - будешь неверным, скажешь «да» – дела твои опровергнут тебя. Всех благ. *(собирается уходить)*

Сарыбек. Не спеши, брат... Посмотри – у нас тут куры жареные, и журавли, и голуби молодые, пирожки-погача, плов... По-походному, но всё-таки... Угощайся. Вот финики, халва кунжутная, халва лавз...

Ходжа. Бисмиллях¹⁸. *(берет кусочек халвы, ест)* Чудная халва... Как ни пробовал, никогда не мог ее приготовить... То масла не было, то муки.

Бобожон. Э, какой глупый Хаджи Фируз.

Сарыбек. И что же, никогда не было ни муки, ни масла?

Ходжа. Было, дорогой, было. Но тогда не было меня...

Бобожон. Вот баран.

Сарыбек. *(смеется)* Ах, молодец! Ну, Зухра, что-нибудь...

Зухра. *(играет на барбете)*

В который раз я вырваться пыталась,
 Попав в аркан любви.
 Бессмысленны попытки избавленья.
 Любовь, что море – берегов не видно.
 Ах, бедный, переплыть ты хочешь море?
 Достичь предела там, где нет пределов?
 О, сколько же тогда тебе придется
 Принять зла за добро.
 Признать придется красотой уродство
 И горький яд принять за сладкий сахар.
 Как вырывалась я, еще не зная,
 Что чем сильнее тянуть, петля тем туже!
 Неискренней любовь мою считаешь.
 Но чем же это доказать ты сможешь
 Великому и Славному Аллаху?
 Против любви своей я не восстану!
 Как против веры не смогу восстать!

¹⁷ скоморох, вроде Деда Мороза. Из подземного мира – потому лицо и руки черные.

¹⁸ во имя Аллаха.

И райских благ мне без тебя не нужно,
 С тобой же мне не страшен даже ад!
 Мне без тебя и сахар, что отравя,
 А яд что мед, что делать подскажи!
 Я тело без души, душа без тела.
 Оставь меня. Я гибну. Помоги.

Сарыбек. Ах, умница, *(целует Зухру, уже навеселе)* Как тебе, Хаджи Фируз?

Ходжа. Трогательно. Один тоже Хаджи Фируз говорил мне, что это стихи Рабии из Балха.

Сарыбек. Хаджи Фируз?

Ходжа. Точно. Такой знающий оказался.

Сарыбек. Хаджи Фируз?

Ходжа. Он.

Бобожон. *(тоже навеселе)* Вот осел.

Ходжа. Говорит - она была дочерью балханского эмира, но влюбилась в раба своего брата. Вот оно как...
 Любовь такая штука... В раба! Переделась воином и пошла за своим возлюбленным на войну. И спасла его
 там от смерти и плена. И никем не узнанная, вернулась обратно... Но стихи ее выдали ее. Стихи такая штука...
 И царственный брат, чтобы избежать позора перерезал ей вены и замуровал... нет, не в комнате дворца, а в
 обычной бане. И последние свои проникновенные бейты она, умирая, писала кровью на стене... В бане...
 Баня такая штука...

Бобожон. Тупой крокодил.

Ходжа. *(Бобожону)* Уважаемый...

Бобожон. Бобожон.

Ходжа. ...Бобожон, ты что, словарь составляешь?

Бобожон. Словарь.

Сарыбек. Да... Ну что, христианин? Бывает у вас такая любовь?

Монах. Не знаю. Кажется, только в стихах.

Дервиш. Такой любви уже нет нигде.

Сарыбек. А ты что скажешь, Бобожон-ака?

Бобожон. Э, я люблю, чтоб перца было побольше.

Зухра.

Я вчера ему сказала,
 Тому юному портняжке:
 «Ну, давай, ради Аллаха,
 Снизу ты в меня войди».

Он сказал: «Тогда не купишь
Платье порванное мною,
Платье порванное мною,
Платье, сблизившее нас».
«Я клянусь, - сказала, - жизнью,
Что, конечно, заплачу я,
Непременно заплачу я
Именно за ту дыру».

Бобожон. Вот это то, что надо!

Сарыбек. Это распутная Махсати.. Да, удивительно. Мы называем персами этих звездочетов и пьяниц, а мусульман-персов мы называем аджам... бормочущими варварами. И при этом во всех концах халифата все на их персидском языке говорят и читают книги... Даже в моей родной Бухаре. В прошлом году я почти ничего не продал на арабском.

Зухра. Хаджи Фируз, тебе больше нравится Рабия или Махсати?

Ходжа. Отвечу тебе, о прекрасная лунолика...

Сарыбек. Но-но!

Ходжа. Мне нравится Рабия. Но другая. Она не жила во дворцах. Она была настолько бедна, что у нее даже не было лампы, чтобы освещать ее убогое жилище по ночам... Однажды к ней зашли друзья, и спросили - Рабия, как же ты так... без лампы? Тогда она подула на свои пальцы, и они засветились.

Зухра. (пауза) Где она жила?

Ходжа. В Басре.

Зухра. Давно?

Ходжа. Лет четыреста назад.

Зухра. Она была... святая?

Ходжа. Хм... Однажды ее спросили - Рабия, ты любишь Аллаха? – Да, ответила она. Всем сердцем. – А сатану, значит, ненавидишь. – Нет. – Как так? Подожди... Ты любишь Аллаха. – Да. – Значит, сатану ненавидишь? - Нет. - Но почему? – Всё моё сердце заполнено любовью, - сказала Рабия. - В нем нет места ненависти.

Зухра. Святая.

Бобожон. (Ходже) Кого-то ты мне напоминаешь. Ты, часом, не бывал в Конье?

Ходжа. Бывал... Думаю, я напоминаю тебе меня самого, но без сажи на лице. Или тебя самого, но с сажей. Или саму сажу безо всякого лица. То есть всякое лицо с сажей или без таковой. Я – Хаджи Фируз. Хожу, пляшу, пою, гуляю, всех с Наврузом поздравляю.

Бобожон. Не ори так. Ничего не понял в этой дурацкой болтовне.

Ходжа. А теперь простите почтеннейшие, пойду смою с себя все это. Завтра еще пол денёчка рожи построю, и с попутным караваном... Правда, я еще не решил куда.

Сарыбек. Погоди, куда ты? Мы уже поужинали. И теперь хотим хорошей беседы и развлечений. Покушай ты, выпей вина... Заодно и решишь. Может нам по пути. Керванбаши¹⁹ Хасан мой приятель, бронзовые колокольцы на его верблюдах подобраны в тон - верный знак хорошего каравана. Он не возьмет много за место на верблюде.

Ходжа. Это меняет дело. *(закусывает)* Да вознаградит тебя милосердный Аллах, почтенный...

Сарыбек. Сарыбек. Я – купец из Бухары. Вожу в Каир самаркандскую бумагу, - она до сих пор лучше багдадской, хоть они... хм... сейчас делают тоже неплохую. Вожу чай, книги, хну, басму, амбру... шелковую чинскую пряжу, из которой египтяне в Тиннисе делают золотую ткань бу-каламун – хамелеон... На солнце эта ткань сверкает, переливается и меняет цвет в каждую пору дня... Вот везу ее обратно, для попон верблюдов хорезмшаха... А добрейший Бобожон-ака торгует...

Бобожон. Рабами. *(Ходже)* Клянусь Аллахом, ты напоминаешь мне одного проходимца. Но того, кажется, повесили где-то в Хузистане *(кладет в рот финик)*... Эти финики, как раз оттуда, я вижу... Вкусные... Или залили в глотку кипящий бараний жир. Или нет – кажется, ему попротыкали пузо в разных местах, и вставили в дырки горящие свечи, чтоб воск стекал... Во всяком случае, с ним всегда был его осел. Такой же наглый. Его звали Ходжа Насреддин.

Ходжа. Осла?

Бобожон вскакивает, Сарыбек его усаживает обратно.

Сарыбек. *(укоризненно)* Бобожон-ака!.. Да что ж такое опять!? Навруз, Новый год!.. *(Ходже, показывая на Гюндогды)* Это мой... м-м... друг Гюндогды. Это монах откуда-то оттуда... *(машет рукой)* Это дервиш, как видишь. Тоже откуда-то *(смеется)*. А это Зухра. Ну, что же выпьем! Э-э, погодите. У меня есть отличная книга... чтобы было веселее... *(лезет в котомку)*

Гюндогды. А у меня есть свирелька. Я могу поиграть.

Сарыбек. Ну, конечно, и сюда тут же сбегутся все окрестные джинны. Не надо.

Ходжа. Какая у него нежная душа... *(Бобожону)* Значит, ты торгуешь рабами, Бобожон?

Бобожон. И рабынями. Вот сейчас привез в Термез халлукских белокожих тюрчанок. Хороши. Груды, как спелые исфаханские дыни. Не слишком большие, и не слишком маленькие - как раз по моей руке... Глаза, как угли. Бедр...

Ходжа. Что же ты сам делаешь в Харране?

Бобожон. Я снова еду в Акру. Там торговцев больше, чем крестоносцев. Но вряд ли я буду обсуждать это с тобой, шут. Тем более, что я не знаю, кто ты на самом деле.

Сарыбек. Вот! *(вытаскивает книгу)* Вот, что, дервиш. Ты что задумался?

Дервиш. Думаю, что иногда очень сложно знать, когда сделать вдох, а когда выдох.

Сарыбек. Можешь вдыхать, можешь выдыхать. Но, поскольку ты все равно не пьешь, будь добр – почитай нам. Можно попросить Зухру. Но книги она читает только мне. По ночам, когда на остальное уже нет сил, ха-ха. *(целует ее)* Зухра, просто поиграй.

Зухра наигрывает на барбете.

¹⁹ караванщик, назначенный эмиром.

Дервиш. *(открывает книгу наугад)* «О Аллах, так как ты знаешь, что намерения мои благи, окажи и Ты мне благо. Если недостойное одобрения вышло из под моих каламов...»

Сарыбек. Не то, давай дальше.

Дервиш. «Приятна утренняя чара для веселого человека...»

Сарыбек. О! Другое дело! *(машет рукой, все кроме Ходжи и Дервиша)* Нушануш! *(пьет, за ним остальные)*

Дервиш. ... «Ибо не только одни развратники пьют вино, пьют и ищущие духовной истины, и вскармливают им душу»... Нет, прости, Сарыбек, я не могу.

Сарыбек. Ну, тогда ты, Хаджи Фируз. Если умеешь читать.

Ходжа. *(берет книгу)* Попробую... Когда-то меня учили немного... «Не смотри тайком на певицу, избави Аллах от подозрений шаха!..» Хм...

Сарыбек. Это про тебя. Шучу.

Гюндогды. Так хочется на свирельке поиграть. У меня в ауле всем нравилось.

Сарыбек. Гюндогды!

Ходжа. «Выходи с попойки таким, чтобы, разумно и рассудительно, ты мог снова пойти куда-нибудь на попойку».

Сарыбек. Нушануш! *(пьют)*

Ходжа. «Не пей вина натошак, если можешь,.. хм... а то уткнешься пальцем в пыль»... Хм... Между прочим, дядя великого Салах ад-Дина так посподобывал крестоносцам множество крепостей... Вообще не бывал трезвым, как говорят... *(пьет)* Хорошее вино. Не из Шираза? Кажется, мудрый Омар Хайям такое любил. Пил и писал стихи.

Сарыбек. Все эти омары пишут только про три вещи – прекрасные сады, прекрасных женщин и прекрасное вино. Но мы-то отлично набили желудки и отлично выпили!

Ходжа. «Если от похмелья ты чувствуешь мучение и боль,.. хм.. не терзай себя, как дурак. Выпей кубок сарсияха и ты избавишься от похмелья поутру». Мда..

Сарыбек. От этого вина не бывает похмелья. Я думаю, что такое вино будет в раю. Если, конечно, кто-нибудь из нас туда попадет, ха-ха... Но верно, что не надо частить...

Гюндогды. *(Сарыбеку)* Я отойду ненадолго.

Сарыбек. На свирельке поиграть? Ха-ха... Не перепутай направление ветра.

Гюндогды. Так нет же никакого ветра.

Сарыбек. Тогда смотри, чтоб тебя не укусил каракурт. За свирельку. Каракурты сейчас очень голодные и очень злые.

Гюндогды уходит.

Сарыбек. Вот что. Каждый раз, когда я в Харране, я гадаю, каким будет путь. Без этого никогда не отправляюсь дальше. Потому мои товары всегда целы.

Бобожон. Лучший способ это чернила. Но нужна девственница.

Сарыбек. Ты про что, Бобожон-ака?

Бобожон. Про гадание. Но нужны чернила и девственница.

Ходжа. А девственник не подойдет?

Бобожон. А ты что, девственник?

Ходжа. Просто спросил.

Бобожон. Нет, не подойдет.

Сарыбек. Я как-то привык, чтобы гадал дервиш по бараньим лопаткам... Я барана чистого отобрал сам. Для этого баран чистый нужен.

Ходжа. А дервиш?

Сарыбек. Дервиш подойдет любой. *(Дервишу)* Вот за этим я тебя и звал.

Бобожон. Да он пьян, твой дервиш! Давай девственницу найдем.

Сарыбек. Он не пил.

Бобожон. Пил. Послушай, мне все равно, я еду в Акру, просто хочу тебе помочь. Зачем тебе пьяный дервиш?

Сарыбек. А зачем девственнице чернила? *(Гюндогды возвращается)* Не укусил?

Гюндогды. Кто?

Сарыбек. Каракурт.

Гюндогды. Нет.

Бобожон. *(Ходже)* Хаджи Фируз, иди найди девственницу, получишь десять серебряных дирхемов.

Ходжа. Они что тут, в Харране, гуляют стайками по улицам и поют псалмы? Тогда лучше попроси монаха. *(встает, машет руками)*

Монах. Мне эта затея не нравится. Спасибо за угощение, я пойду.

Сарыбек. Монах, я хочу с тобой поговорить о деле. Вы, монахи, отличные торговцы, не хуже крестоносцев. Погоди.

Дервиш. Давай, я лучше на бараньих лопатках погадаю. Режьте барана.

Бобожон. *(Ходже)* Ты что делаешь?

Ходжа. Не видишь? Отгоняю тигров и носорогов.

Бобожон. Но тут нет ни тигров, ни носорогов.

Ходжа. Вот видишь, как помогает. Я тоже пойду. Это не мое дело.

Сарыбек. Да что вы все? Навруз, весело, Новый год. Погадаем и всё. А то я обижусь, и вы мне весь праздник испортите. Так вот год начнется.

Монах. Хорошо. Но, знай, дорогой торговец, что я хоть и монах, и один здесь, но ничему дурному совершиться не дам.

Сарыбек. Все будет хорошо.

Бобожон. Сарыбек-ака, пусть твой Гюндогды найдет какую-нибудь старуху нищую. За пару медных фельсов она поможет. *(Гюндогды)* Скажи, что ничего страшного не будет – только погадаем и вернем обратно, еще и лепешек дадим, и мяса. Или серьги кокандские.... Праздник, Навруз. Как там они говорят, эти огнепоклонники – хумата, хухта... э-э...

Дервиш. Хваршта.

Бобожон. Точно.

Дервиш. Благие мысли, благие слова, благие дела...

Бобожон. Вот именно!.. А может, мои деньги спасут ее от голодной смерти в этот праздник. А чем можете помочь вы?.. Прочитать пару молитв? У нее другая вера. *(Ходже)* Или сплясать? Я вообще не знаю, кто ты такой.

Сарыбек делает знак Гюндогды, тот уходит.

Гюндогды. *(уходя Ходже, негромко)* А я вот узнал тебя.

Ходжа. *(негромко)* Я тебя тоже. А также я знаю, куда делась белая махрийская верблюдица, которую твой хозяин собирался подарить каирскому султану. Говорили, что она стоит семьсот дирхемов.

Сарыбек. Гюндогды, что там? Потом поговоришь.

Гюндогды. *(Ходже)* Тысячу. *(уходит)*

Бобожон. Ну, так как? Чем ты, собственно занимаешься, кроме того что раз в год скачешь Хаджи Фирузом?

Ходжа. Я просто иду.

Бобожон. Давно?

Ходжа. С детства.

Бобожон. Куда?

Ходжа. Я иду в Гиждуван.

Сарыбек. Это ж рядом с Бухарой!

Бобожон. И это всё, что ты делаешь?

Ходжа. Практически, всё.

Бобожон. Ты просто базарный шут, бездельник...

Дервиш. Сказал один мудрец – «если ты не Сулейман, не играй с ветром».

Бобожон. Не то ты сказал, дервиш. Ты начинаешь мне надоедать. Видишь, Сарыбек, какие пошли дервиши. Нет бы молчать, молиться, да курить бенж из индийской конопли с беленой, как курят дервиши в Бухаре... Так нет же...

Ходжа. Вот какое дело. Мой сосед в караван-сараяе сказал мне, что я храплю по ночам. Врет, конечно. Я две ночи не спал специально, слушал. Ничего я не храплю.

Пауза. Все начинают смеяться.

Бобожон. Так чем ты все-таки занимаешься?

Ходжа. Я? Таким, как ты продаю советы, таким, как они – даю бесплатно. Могу разрешить любой спор с пользой для обеих сторон и для себя самого.

Бобожон. Неужели такой человек, как я может у такого, как ты купить совет?

Ходжа. Конечно. Вот представь... умирает у тебя жена.

Бобожон. Это какая? Вторая или третья? Лучше вторая – так уже надоела.

Ходжа. Все бросаются к тебе, всем хочется увидеть тебя разбитым и подавленным, когда ты получишь эту весть. Но и радоваться как-то не хорошо... Ты не знаешь что сказать...

Бобожон. Точно. Не знаю.

Ходжа. Тебе говорят – Бобожон-ака, кажется, твоя жена умерла. - А ты в ответ - А если бы она и не умерла, я бы с ней все равно развелся.

Бобожон. *(пауза)* Ха-ха... *(начинает смеяться)*

Ходжа. С тебя два фельса.

Бобожон. Держи. *(достает деньги)* Стой. Но моя жена жива.

Ходжа. Но совет-то ты получил.

Бобожон. Мда. *(дает деньги)* Э, Хаджи Фируз, ты или совсем дурак, или совсем не дурак, клянусь Аллахом. А ты, часом, не встречал ...Ходжу Насреддина?

Ходжа. Почему же? Встречал... В Мерве, Мешхеде, Нишапуре и даже Балхе. Не говоря уже про Бухару, Аль-Кудс и Гяндж... Редкий проходимец и негодяй. Слышал, даже обещана награда за его голову. Вот он действительно дурак.

Бобожон. Да?

Ходжа. Причем с детства. Так как многие становятся дураками уже в зрелом возрасте. Так вот. Когда он был маленьким, мать послала его в лавку – купить ... *(оглядывает стол)* фиников и душистого перца... Для перца дала тарелку. А финики, решила, хозяин сам во что-нибудь завернет. Насреддин заходит в лавку и говорит: - Мне нужны финики и перец. - Хозяин накладывает ему в тарелку финики, *(бросает горсть фиников на плоскую тарелку)* и отворачивается за перцем. Насреддин, не зная, куда насыпать перец, переворачивает тарелку. *(переворачивает тарелку, финики падают)* Хозяин насыпает ему перец, *(насыпает перец)* и Насреддин идет домой. Дома он говорит: - Вот перец. - Мать его спрашивает: - А где же финики? – Вот, - говорит Ходжа. И переворачивает тарелку. *(переворачивает тарелку над головой Бобожона, обсыпая его перцем, смех, Бобожон чихает)*

Бобожон. Ай, шайтан! *(трет глаза, ничего не видит)*

Сарыбек. Вот это весело! Не обижайся, дорогой Бобожон-ака! Настоящий Навруз - веселый праздник! (Ходже) Расскажи еще про Насреддина...

Ходжа. Добрейший Сарыбек-ака, у меня уже язык не ворочается.

Сарыбек. У меня есть еще книга. *(достаёт)* Давай ты, монах. Зухра! *(Зухра играет)*

Монах. *(берет книгу)* «В Армении есть цветок. Пока он будет находиться на дереве, не распустится. Если же снять его с дерева, он сразу же расцветет. От его пыльцы руки людей становятся желтыми. Он помогает при желтухе».

Сарыбек. Ну, это как-то...

Монах. «На востоке есть рыба. Живет она в песках. Воды там нет. Рыбу называют балиг. У мужчин, поевших этой рыбы, возрастает вожделение и возбуждаются нервы. Женщины от этой рыбы толстеют, а во время близости с мужчиной, удовлетворить их невозможно». Сарыбек-ака, мне это читать тоже как-то...

Сарыбек. Э, какой набожный. Знаю я вас, монахов. Хаджи Фируз!

Ходжа. Ну, что я опять? Дайте поесть, правоверные, я вас с Наврузом поздравил.

Монах. «Нежный мускус и чистые духи, когда их везут в Антиохию, за короткое время портятся и теряют свой аромат».

Сарыбек. Ну, это чушь, сто раз возил в Антиохию.

Монах. «В Булуре есть женщины, которые влюбляются исключительно в чужестранцев. В местных мужчин они не влюбляются никогда. Когда чужестранец соберется уходить, они делают так, что, по мере того как он уходит всё дальше, его... хм... уд становится длиннее, пока не достигает пяти-шести локтей. Чужестранец пугается и возвращается назад. Когда он возвращается, уд постепенно принимает прежние размеры. Это удивительно».

Сарыбек. Бобожон, не хочешь туда поехать?

Дервиш. Его белокожие тюрчанки и так всем довольны. Так, Бобожон?

Бобожон. *(пауза)* Ты пожалеешь о своих словах, клянусь Аллахом.

Монах. «Самец гиены через семь лет становится летучей мышью, летучая мышь через семь лет становится вампиром, вампир через семь лет становится крапивой, крапива через семь лет становится боярышником, боярышник через семь лет становится демоном».

Сарыбек. Демоном!

Монах. «В Каркисийа, на берегу Евфрата, есть птица размером с воробья. Она похожа на белого как снег петуха с красным гребнем. Ночью она поет, и голос ее напоминает звук свирели»...

Сарыбек. Опять свирель.

Монах. «Там, где она видит огонь, берет его в свои когти, и бросает в сухие деревья. И всё горит, а птица ходит вокруг, кричит и радуется. Эту птицу называют "огнепоклонницей". Кроме той местности, эта птица нигде не встречается».

Пауза.

Ходжа. Зря сказал слово «птица»...

Монах. Птица?.. Так в книге написано.

Удар ветра, грохот, все валится, костры гаснут, все, кроме сидящих, разбегаются.

Пауза. Зажигают огонь.

Сарыбек. Субхá на раббияль-аъзы́м²⁰. Уф... . Аузу би-ллáхи минá шшайтáани ррадж́им²¹... Давайте-ка эти книги сюда... *(забирает книги)* Что такого? Бывает, я сто раз на дню говорю... *(озирается)* это слово. Когда торгую на базаре гусей и павлинов.

Охотник на птицу Рух в немысленном одеянии вбегают, падает, ползет. Гюндогды вскакивает, выхватывает меч.

Охотник. Ну, что? Вы видели, видели?

Бобожон. Видели. Ты кто?

Охотник. Но это была не она. Кто же это был? Возможно, птица Сафат или Анка с четырьмя ногами и четырьмя лицами, похожими на человечьи... Нет, Анка сюда не залетает. Она раньше обитала в окрестностях аль-Кудса... А теперь ее можно найти только на горе Каф... Это – Сафат.

Сарыбек. Сафат?

Охотник. Да, теперь я это вижу. Она не вернется.

Бобожон. Он сумасшедший.

Сарыбек. Ты кто?

Охотник. Я - охотник на птицу Рух... Симург питается огнем, и тот, у кого привязано к бедру его перо, пройдет даже сквозь адское пламя.

Сарыбек. Он больной, слушай. *(Охотнику)* Иди с миром, дорогой.

Охотник. На кого упадет тень птицы Хумай, станет царем... Но Рух, великая птица Рух... Чтобы ее увидеть нужно чудовищное напряжение всех сил и годы тренировок... Так не увидишь... Я знаю про птиц всё. И как только слышу слово «птица», иду туда, чтобы узнать еще больше... Она решила, что я здесь... И хотела меня убить. О, глупая!.. Это птица Сафат! Она никогда не приземляется, даже когда зачинает птенцов... Она прямо во время полета откладывает яйца, а птенцы успевают вылупиться прежде, чем яйца долетят до земли. Вниз падает одна скорлупа, потому что птенцы тут же начинают летать. Вот ее скорлупа! *(достает, показывает)* Кто ее съест, тут же заболит бешенством, и будет бросаться на все живое... О, глупая! *(в небо)* Не ты нужна мне! Мне нужна только белоснежная птица Рух!

Бобожон. Так это что ли ты сделал *(показывает вокруг)*, сын плешивой собаки?

Охотник. Что? Выбирай слова, уважаемый. *(приоткрывает из-под одежды взведенный арбалет, в барабане короткие стрелы)*

Ходжа. Ты хочешь ее убить?

²⁰ свят мой Великий Аллах.

²¹ я прибегаю к Аллаху, во избежание проклятого сатаны.

Охотник. Нет, я хочу ее понять, я хочу ее найти. Это очень трудно... Но на Мадагаскаре я видел сам огромные яйца и даже птенцов – они выше человека, у них длинные шеи, и они бегают быстро, как ветер.

Сарыбек. Иди, дорогой, иди.

Охотник. А может, это был Кикнос? Так эту птицу называют у меня в Никее... *(Сарыбеку)* А египтяне называют Фениксом.

Сарыбек. Ну, египтяне...

Бобожон. А ты, стало быть, румиец, грек...

Охотник. Глупцы, они не понимают - это разные птицы. Всё дело в только в твоём сознании. Этот Кикнос... Это не Феникс.

Сарыбек. Ну, конечно.

Охотник. Он живет тысячу лет, в его длинном клюве триста шестьдесят отверстий, и когда он поворачивает голову к ветру *(напевает звуки и мелодии)* – начинается дивная музыка, как в раю. Все птицы и звери идут к нему, не в силах устоять перед этими божественными звуками. А он этих птиц пожирает... О, они очень хитрые, эти твари... *(уходит, возвращается)* Но все они, только плод нашего воображения и изощренной мысли... *(уходит)*

Сарыбек. Ушел, наконец... Ну, да – это вот воображение всё пораскидало... *(показывает вокруг)* Уф, надо было остаться в городе.

Ходжа. Там я видел чан с водой. *(отходит, снимает костюм и смывает грим)*

Сарыбек. Этих харранцев ничем не проймешь, они тут всё повидали. Вон, уже снова поют. *(слышны далекие песни, смех)*

Бобожон. А я в бане был днем. Хорошо!

Сарыбек. Они и тут есть, за городом... Пойдем, дорогой Бобожон-ака, и тоже поищем направление ветра. Я много выпил и мой желудок говорит, что надо это сделать.

Бобожон. Да, пора. *(поднимается, Монаху)* Пошли, христианин.

Монах. Я пока не хочу. Если позволите, Сарыбек-ака, я бы посмотрел книги.

Сарыбек. Смотри. Вон в мешке. Там, кстати есть Худжвири, Араби. Тебе, как христианину, будет полезно. Может, наконец, произнесешь шахáду²² и станешь истинным правоверным. *(смеется)*

Бобожон. *(Дервишу)* А ты, дервиш?

Дервиш отрицательно качает головой.

Сарыбек. Он же не пил.

Бобожон. Пил. Можно, конечно, гадать по полету птиц...

Сарыбек. Молчи, несчастный!

Бобожон. ...или спугнуть птицу из гнезда и смотреть, куда полетит.

²² исламский «символ веры». «Нет Бога, кроме Аллаха и т.д.»

В другом одеянии появляется Охотник.

Охотник. Это всё только в нашем сознании. Если ты хочешь понять птицу – пойми ее мысли... Если это персидская птица – надо думать по-персидски. И подбирать одежду. Иначе птица тебя не подпустит к себе... Если еврейская – по-еврейски. Вот, например, птица Зиз... Но думаю, это была Шебавиз... Она не может переносить ночь, она висит на деревьях вниз головой и стонет в ожидании первых лучей солнца... Но где же здесь деревья?

Сарыбек. М.м... *(разводит руками)*

Охотник. Это вопрос. *(убегает)*

Бобожон. Мда...

Сарыбек и Бобожон уходят.

Дервиш. Я хочу помолиться. Где там этот Хаджи Фируз видел чан с водой? Хаджи Фируз!

Ходжа. *(издалека)* Я здесь.

Дервиш уходит. Монах достает книги, смотрит.

Зухра. Я зарежу его.

Монах. Что?.. Кого?

Зухра. Я совсем не такая.

Монах. Я знаю.

Зухра. Уведи меня отсюда, монах. Уведи! Далеко-далеко, в другие страны. Всё с начала начать, прожить... В глазах одна песчаная пыль и вой гиен в ушах.

Монах. *(пауза)* Ты ничего не знаешь... Я не могу...

Зухра. Можешь. Ты – монах. Ты всё можешь понять. Мне ничего не надо. Я просто буду рядом. Или буду служить тебе.

Монах. Зачем мне слуги...

Зухра. О, Аллах, я не могу так жить! Тогда я себя убью.

Монах. Зухра...

Зухра. Я нравлюсь тебе, я вижу. Уведи меня, или я совершу ужасное. Впереди у меня пропасть, бездна, смерть...

Монах. Зухра, ты прекрасна. Я не могу объяснить тебе. Хотя, правда – я уже ни в чем не уверен.

Зухра. Тогда можно я хотя бы обниму тебя?.. *(целует Монаха)* Это поцелуй настоящий, чистый, чистый...

Монах. Я знаю.

Зухра возвращается на свое место. Монах откладывает книгу, закрывает пальцами глаза.

سفر در وطن

Сафар дар ватан.

Путешествие по родине.

По своему внутреннему миру. От качеств мирских к небесным.

Джинн. *(появляется)* Я очень извиняюсь, ассаёму аляйкум ва рахмату лла́х²³, уважаемые. Простите, что нарушаю ваше э-э... Две кометы сияющих, в небесах далеко от Земли... э-э... *(назад)* Послушай, неудобно, мамой клянусь.

Бахира. *(голос)* Мамой!? Ты еще маму вспомнил!?

Джинн. Моей, моей мамой!

Бахира. Что!?! *(появляется, за ней Хайда)* Аль-хámду ли-лля́хи ра́ббилъ ааля́ми́нь ар-рахма́ни ррахíми ма́лики яуми дд́йин²⁴. Кого ты дал мне в мужья, о Аллах? *(Джинну, грозно)* Алпан Алхан, Алхан Алпан... Тьфу, что за имя... Алпан Алхан! Ну!?

Джинн. *(дружелюбно, Монаху и Зухре)* Алпан Алхан – это так меня зовут... *(Монах привстаёт, раскланивается)* В эту светлую ночь небесного Навруза, ... Когда таинственная Нахиб²⁵ своим нежно-голубым серпом явилась в ночи...

Бахира. Алпан Халпан... тьфу!...

Джинн. *(Бахире)* Послушай, Бахира, тут женщина. И ты – женщина. Наконец, о безумная, твоя целомудренная дочь Хайда здесь, и праздник...

Сарыбек и Бобожон появляются, стоят изумленные.

Джинн. *(Сарыбеку и Бобожону)* Садись, дорогой, покушай, что хочешь.

Бахира. Вот именно, праздник! У меня тоже праздник! *(плачет)*

Джинн. *(Сарыбеку и Бобожону)* Слушай, не стой, прошу, садись, покушай. *(Бахире, становясь на колени)* Ну, что я должен сделать?

Бахира. Разорвать, истолочь, сжечь, изрубить, растереть... растерзать... рас... рас... О-о! *(рыдает)*

Сарыбек и Бобожон садятся.

Хайда. *(подходит к Зухре)* Какое у тебя ожерелье!.. Из Йемена?

Зухра. Из Хабеша.²⁶

²³ мир Вам и милосердие Аллаха.

²⁴ хвала Аллаху, Владыке миров, милостивому, Царю в День Суда.

²⁵ Венера. перс.

Хайда. Я тоже такое хочу. Папа!

Джинн. Ну, возьми! Не видишь, у папы неприятности.

Сарыбек. Как это «возьми»?

Зухра. Я тебе сама подарю. Носи на удачу. *(надевает Хайде ожерелье)*

Сарыбек. Как это «подарю»? Я за него отдал пару йомутских кобыл, они знаешь, какие выносливые? Они могут целые сутки скакать во весь опор с грузом и двумя всадниками на спине...

Джинн. Ты что, жадный, да?

С одной стороны возвращается Дервиш, с другой Ходжа.

Джинн. *(Ходже и Дервишу)* Он что, жадный? Ай-ай-ай...

Бахира. *(перестает рыдать, топает ногой)* Алхан Алпан!!

Бобожон. Ты кто? Слуг позвать, что ли...

Джинн. Я кто? Это ты кто?

Бобожон. Я Бобожон, торговец. Слышал, может? Меня знают везде.

Джинн. А меня не знают нигде, ха-ха... Я никакой не торговец, слава Аллаху, а просто джинн.

Сарыбек. *(хватается за сердце)* Джинн, джинн!.. О-о... Что там надо говорить... дустур... дустуркум йа мубараким²⁷ ...

Джинн. Самый натуральный, из бездымного огня. А это моя жена Бахира, и дочь Хайда.

Хайда. *(подходит к Ходже)* А я знаю кто ты.

Ходжа. Хм... Истинное знание хранят глубоко внутри себя.

Хайда. Ладно. Поцелуй меня.

Ходжа. Здесь же твои папа и мама.

Хайда. Сейчас папа тебя изжарит. Папа, он не хочет меня поцеловать!

Джинн. *(грозно)* Не хочет?

Ходжа. Откуда мне знать, как джинны воспитывают дочерей. *(Хайде)* Только в щечку. *(целует, Хайда повисает на нем, целует сама)*

Джинн. Хайда!

Хайда. Сегодня праздник, папа.

²⁶ Абиссиния.

²⁷ с вашего позволения, блаженные.

Джинн. Так по поводу праздника... Эх... *(вздыхает, Бахира кашляет)* Так вот. Вопрос такой... хм... не ходил кто-либо из вас... хм... недавно в пустыню прогуляться, утолив вполне жажду?..

Сарыбек. Что ты имеешь в виду?

Джинн. Имею! Не перебивай. Отвечать честно, и, может, я вас пощажу.

Бахира. Что!?

Джинн. Правда, моя Бахира специально пришла посмотреть на ваши мучения.

Бахира. Это так. Давай скорее.

Джинн. Я хочу быть учтивым, потому что я не какой-то там мелкий ифритишка²⁸, а воспитанный джинн... Тебе этого, глупая женщина, не понять. Потому что павлин разума никогда не снесет яйца мысли в кургузое гнездо твоего мозга.

Бахира бьет его палкой по голове.

Джинн. Ай! Итак. Сейчас мы начнем по порядку – вытягивание жил, раздробление костей...

Сарыбек. Да за что!?

Джинн. Как будто вы не понимаете... Ай-ай-ай...

Бахира. Алпан Алхан!

Джинн. Каждый, даже малообразованный и не знакомый с трудами великого Аб́у Абдуллаха Мух́аммада ибн Исмаила аль-Бухар́и правоверный знает, что нельзя бросать жемчужные гроздья печали на... хм... медно-дрожащую безбрежность песчаного моря... нельзя...

Бахира. *(бьет его)* Нельзя мочиться стоя, о, порождения шакалов и ехидн!!

Сарыбек. Да мы...

Джинн. Помолчи, а то поджарю первым... Да... Во-первых, чтобы случайно не нарушить ритуальную чистоту. А главное – можно попасть в нору, где живет джинн! И ему это может очень не понравиться! Мы как раз навестили нашу бабушку, которая живет за Гиндукушем, потом мечеть Джиннов в Мекке, и вернулись домой, где уже заранее был накрыт праздничный дастурхан. И на нем было все, что надо в Навруз - и Сиб, и Саману, и Сенджед... сласти... А тут... Ну, негодяи, что скажете!? Кто это сделал? Кто в этот чудный праздник вместо того, чтобы сделать что-то достойное вытащил из штанов свой мерзкий уд и...

Бахира. *(вскидывает руки)* О-о!... Аллах, пусть их мучения будут нескончаемы!

Сарыбек. Это конец.

Бобожон. А почему именно мы? Тут было столько народу!

Джинн. Мое чутье привело меня сюда. Это был кто-то из вас.

Бобожон. Хаджи Фируз, у тебя бойкий язык, скажи что-нибудь. Поздравь его.

²⁸ ифрит – злой джинн, служащий Иблису.

Ходжа. Вы его уже поздравили. Я снял костюм...

Бобожон. Я тебя тоже когда-нибудь выручу, клянусь Аллахом!

Ходжа. Хм... *(Джинну)* Дорогой джинн Ахмед Махмед!

Джинн. Алпан Алхан.

Ходжа. Именно. Во-первых, это был не я.

Бобожон. Вот собака.

Джинн. *(морщит лицо, вслушивается в себя)* Да, я это вижу... *(Монаху)* И не ты. *(Дервишу)* И не ты. Значит, кто-то из вас двоих. Что же вас лучше изжарить или...

Бахира. Или. Пусть мучаются подольше, грязные животные. Как их мама так воспитала?

Ходжа. Они оба сироты, посмотри.

Сарыбек. Мы сироты. У нас не было мамы.

Джинн. Мама была у всех, негодяй.

Сарыбек. Хаджи Фируз!

Ходжа. Но дорогой Ахмед.

Джинн. Алпан.

Ходжа. Да. Стоит ли портить праздник, таким отвратительным зрелищем? Ну, посмотри на эти жалкие омерзительные физиономии.

Бобожон. Ну, ты не слишком...

Ходжа. Ты хочешь спастись или нет?

Джинн. Думаю, моей Бахире понравится, как они будут корчиться.

Хайда. *(Ходже)* Расскажи о Ходже Насреддине. Ты ведь... с ним знаком.

Ходжа. Пожалуйста. Однажды к Насреддину подошел сосед и попросил одолжить осла. - А его здесь нет, я уже одолжил его другому такому же приятному соседу, - сказал Ходжа. В это время осел в сарае заорал. - Что ж ты врешь? Вот он сам орет, что он здесь. - Э, кому ты больше веришь, - ответил Ходжа. - Мне, или ослу?

Сарыбек и Бобожон натужно смеются.

Джинн. *(без улыбки)* Мы, джинны, животным верим гораздо больше, чем людям. Итак, начнем. *(изрыгает пламя)* Что-то сегодня слабовато... *(изрыгает пламя еще раз)*

Сарыбек. Стой... Что это я? Я же все помню. Ничего я не стоя... Это не я!

Бобожон. Да, и не я тоже!

Сарыбек. Это... Гюндогды! У-у!... Шайтан проклятый!

Бобожон. А кто его пугал каракуртом?

Сарыбек. Мне и в голову не могло прийти!

Джинн. Слушайте, кончайте это – «я, не я»... Лучше вас, пожалуй, сначала пошинковать немножко так, потом вот так и вот так. На кебаб. Потом зажарим.

Ходжа. Но праздника ты этим не вернешь, самый учтивый джинн из тех, что я встречал. Прекрасный добрый Навруз. Весенний, чистый... Неужели ты хочешь начать новый год под этим сияющим тысячезвездным небом с развлечений, достойных мелких злобных гулей, которые только и умеют, что делать мелкие пакости у дорог и стоянок?

Джинн. Как говорит, у меня даже слезы полились... *(вытирает глаза, всхлипывает)* А ведь так, Бахира... *(Ходже)* Почему ты хочешь помочь этим мерзавцам. Они ведь все равно мерзавцы.

Ходжа. Мне не важно, как поступают они. Мне важно, как поступаю я.

Хайда. Тогда пусть сам устроит для нас забаву. Сделай это... Ха-джи Фи-руз...

Джинн. Бахира.

Бахира. Ну, не знаю... Если дочь так хочет. А ты найдешь нам новую нору?

Джинн. Да, моя сладкая. *(Ходже)* Мы хотим видеть что-нибудь... эдакое...

Ходжа. Эдакое... Я расскажу вам одну историю. Ее сочинил великий затейник, химик и знаток целебных трав.

Джинн. Это хорошо. Химию я люблю. *(изрыгает пламя)*

Ходжа. Первым учителем у него был такой же звездопоклонник-перс, как жители этого Харрана. И первое, чему он научил своего ученика – нельзя презирать никого, как бы кто ни отличался от тебя. Все создания – люди, животные, джинны, растения - созданы Аллахом не случайно. Постарайся понять каждого из них...

Джинн. И это тоже правильно.

Бахира. Ты все время будешь встречать? Дай послушать.

Ходжа. Как-то этот юноша торговал в лавке. И такой же дервиш, как этот *(показывает на Дервиша)* подошел и попросил милостыню. Химик прогнал его. Дервиш спросил: – Как же ты будешь умирать? - Юноша надменно ответил: – А как ты будешь умирать? - Тогда дервиш опустился на землю, подложил под голову свою деревянную чашку, произнес имя Аллаха. И умер.

Бахира. Ой!

Ходжа. С того момента юноша стал другим, он стал тасаввуф²⁹ – мудрецом... И так, как говорил, или может быть скажет другой мудрец, каждый лист дерева становится страницей Священного Писания, если душа однажды научилась читать... Пару слов о птичьем языке, который должен научиться понимать каждый, кто хотя бы иногда думает о своей жизни, и... о своей смерти.

²⁹ ат-тасаввуф (суфизм) – мистико-аскетическое течение в исламе.

Хайда. Пусть это будет не здесь. Праздник, так праздник. Пусть это будет в сказочном городе-призраке, в городе-мечте. В сказочном мираже, который видят путники и в который никогда не могут попасть. Мы отправляемся в Ирем.

Джинн. В Ирем?

Ходжа. Ладно, в Ирем, который строил дерзкий Шеддад, чтобы затмить рай. Аллах наказал его за дерзость, и Шеддад умер на пороге своего творения, не успев войти в него. А мы войдем.

Ирен. Колонны. Звуки падающей воды отражаются многократно, блики, сады, водопады, разноцветные огни драгоценных камней и мозаик. Множество птиц (актеров в костюмах) всех видов, расцветок...

Удод -Ходжа. Тысячи птиц собрались вдруг со всего света. Многие тысячи. И Попугай с изумрудными крыльями и огненным ожерельем.

Попугай-Монах. Кха-кха-кха!... *(красуется)*

Удод-Ходжа. Оставь этот огненный ошейник для ада, безумный.

Попугай-Монах. Кха-кха-кха!..

Удод-Ходжа. Тут и кокетливая Куропаточка.

Куропатка-Хайда. Тё-тё-тё...

Удод-Ходжа. Ничего знать не хочет, Куропаточка.

Куропатка. Тё-тё-тё...

Удод-Ходжа. А вот и он, беспощадный Ястреб, в ярости хлопает крыльями. Научись покою на пути к вечности и замени ум сердцем.

Ястреб-Бобожон. Кша...

Удод-Ходжа. О, славный важный Тетерев, обуздай свои страсти, а то погибнешь!

Тетерев-Сарыбек. Тка-тка-тка...

Удод-Ходжа. О, нежный Соловей, будь радостен, как бы ни было больно.

Соловей-Дервиш. Ирр...

Удод-Ходжа. О, покинувший рай Павлин, хитрый змей обманул тебя. Время искать путь обратно.

Павлин-Джинн. Урлы...

Удод-Ходжа. О, трепетная Горлица. Не будь такой печальной, освободи свое сердце – страдания лучший учитель.

Горлица-Зухра. Ан-н-н...

Удод-Ходжа. О, добрая Цапля. Будь мудрой и терпеливой. И узнаешь себя настоящую.

Цапля-Бахира. Тка-тка...

Удод-Ходжа. Загалдели все птицы – нет у нас шаха, нет у нас предводителя, пора отправляться на поиски его.

Птицы. Пора! Пора!

Удод-Ходжа. Но кто поведет нас?

Соловей-Дервиш. Конечно, Удод!

Птицы. Удод, несомненно! Удод, Удод!

Павлин-Джинн. Только Удод, а иначе чего он тут скачет?

Тетерев-Сарыбек. Пусть не ломается и дурака не валяет.

Цапля-Бахира. Он ведь знаком с Сулейманом.

Удод-Ходжа. Да я не смогу! Драгоценные мои! Дорогие собратья-птицы. В следующий раз я непременно и без всякого колебания...

Все. Тка... Урлы... Кха... (*щиплют его*)

Удод-Ходжа. Ай-ай-ай!... Больно же, ищущие мои!

Ястреб-Бобожон. Соглашайся, Удод, по-хорошему... Бросим мы жребий... (*бросает кости, сам подбирает, смотрит и убирает*)... И жребий опять же про то же и так же – Удод!

Удод-Ходжа. И отправились в путь эти тысячи птиц. Поднялись в небо и закрыли крыльями солнце.

Шум, гам, Ирем пропадает, летят, постепенно затихают. Меняются дни и ночи.

И летели, не зная, чем кончится путь. Постепенно все звуки умолкли, и одна великая безбрежная тишина сумрачным облаком покрывала стаю. Многие птицы стали слабеть, и безверие начало ядом проникать в их поры и легкие. Птицы падали вниз и разбивались о камни. У других рвались вены, и они захлебывались собственной кровью. О, этот путь познания! Никто не угадает, что ждет тебя впереди. А к началу ты уже не вернешься.

Птицы падают, метели, раскаленное солнце, пламя.

Удод-Ходжа. Птицы, держитесь, он есть - падишах! Он там, где кончается равнина и начинается великая гора Каф, опоясывающая Землю. Его имя Симург, и нет ни одного мудреца, постигшего Его совершенство. И ни один зрячий не смог созерцать Его красоту. А вы - сможете!.. Когда-то его сверкающее перо упало на землю где-то в Китае. И вся красота мира – лишь слабое отражение блеска этого пера. А вы, вы увидите всю красоту созданную Творцом... Вперед, птицы!

Летят.

Попугай-Монах. Силы мои кончаются. Зачем я полетел? Мне не нужен Симург. Мои крылья и так цвета одеяния святого Хизра. Я сам бы познал Истину.

Соловей-Дервиш. Моя роза! О, моя роза! Она осталась одна! Я люблю каждый ее лепесток, каждому колючему шипу я готов подставить свое сердце, и каждое мгновенье вспоминаю о ней! Зачем мне Симург?

Джинн-Павлин. О, я был самой прекрасной птицей на земле. Что стало с моими перьями? Кто теперь посмотрит на меня? Зачем мне Симург?

Куропатка-Хайда. Всё, я падаю, падаю, какой ужас!

Ястреб-Бобожон. Держись!

Цапля-Бахира. Мне так хорошо было у моего прекрасного моря, ни на миг не хотела я оставить его. И никогда не понимала, почему оно скорбного синего цвета. Но чтобы напиться, я должна была летать далеко к источнику. И вот теперь я потеряла и море, и источник, и только траурный синий цвет остается в моей памяти. Мне больше не нужен Симуург.

Тетерев-Сарыбек. Подожди. Может, там будет море, из которого ты сможешь пить.

Горлица-Зухра. Я так любила мои сны. От них ничего не осталось. Я не смогу полюбить Симурга.

Свет. Озеро. Обессиленные, опускаются на островок внутри него.

Ястреб-Бобожон. Отчего здесь так пустынно?

Удод-Ходжа. Из-за величия падишаха.

Павлин-Джинн. А где остальные?

Соловей-Дервиш. Это все. Из сотен тысяч птиц. Кто смог добраться сюда.

Куропатка-Хайда. Как мне больно! Какой ужасный путь!

Удод-Ходжа. Тот, кто чувствует боль, уже многое понял про этот мир. И тот, кто может радоваться на этом пути. И тот, кто может жалеть.

Попугай-Монах. Праведность... Раскаяние... В них никакого толку... Лишь сожаление, радость и боль имеют смысл.

Тетерев-Сарыбек. Я любил золото.

Ястреб-Бобожон. Я был жесток.

Горлица-Зухра. Я боялась смерти.

Павлин-Джинн. Но где же Симуург?

Удод-Ходжа. Еще несколько шагов к этому озеру.

Цапля-Бахира. Много?

Феникс-Охотник. *(появляется, взводит арбалет, заражает стрелы в барабан)* Только семь. Но между ними могут пройти столетия.

Куропатка-Хайда. Это Феникс! Он ждал здесь!

Феникс-Охотник. Это Феникс. Вас девять и я десятый. Стало быть, нас тридцать – тех, кто, узнает Симурга, потому как всё имеет три имени-сущности... Это Феникс. Никто не может устоять перед музыкой его клюва, никто не может сохранить разум... Первый шаг – пустыня желаний. Очисти свое сердце, тогда ты увидишь свет Его и желание Его... Феникс живет тысячу лет, всегда один, пары у него не бывает... Второй шаг – пустыня любви. Уму не дано понять любовь. Любовь – дело отважных. Доверься: в мире ином – любовь иная... Феникс знает о часе своей смерти... Третий шаг – пустыня познания. Растворись в ней, познай тайну Его... Плачет Феникс и музыка клюва его рыдает... Дрожит он, как лист на ветру... Четвертый шаг – пустыня сущности.

Впита́й этот мир. Весь, без остатка... И собирает Феникс хворост вокруг себя. И музыка его все печальней... И птицы собираются вокруг него, и многие гибнут вместе с ним... Пятый шаг – пустыня Единого Аллаха. Прими Его вне измерений и чисел, забудь об изначальном и бесконечном. Если утеряно и начальное, и бесконечность вечная – что остается между ними?.. И бьет Феникс крыльями, и вспыхивают они... *(пламя)* Шестой шаг пустыня изумления. Сожаление и боль переполнят тебя. И кровь польется с каждого волоса. Всё, что думал ты о единстве, исчезнет, как исчезнешь ты сам.... И всё полыхает и превращается в пепел...

Стреляет, взводит арбалет, снова стреляет... расстреливает птиц, они мечутся, но деваться им некуда, а сил лететь нет.

Седьмой шаг – пустыня нищеты и уничтожения. Никто не возвращается после нее. Это пустыня забвения. В ней остаются, растворившись в великом покое и не обретая ничего, кроме исчезновения. Но *там* открываются великие тайны... И когда потухнет последняя искорка, из пепла рождается новый Феникс. А те, кто был рядом остаются один на один с Истиной.

Стреляет в себя, вспыхивает фейерверком, исчезает.

Птицы сбрасывают перья. Отражения перьев и птиц в озере причудливо переплетаются с их отражениями, кружащимися вокруг.

Попугай-Монах. Вот он, Симург. Это мы.

Соловей-Дервиш. Вот он падишах. Это мы.

Горлица-Зухра. Вот он мир. Это мы.

4

خلوت در انجمن

Халват дар анджуман.

Одиночество в толпе.

С кем бы ты ни был, оставайся только с Богом.

Глубокая ночь. Ходжа и Хайда. Остальные спят. Джинна и Бахиры нет.

Хайда. Я посижу с тобой, Ходжа Насреддин?

Ходжа. Конечно. Откуда ты меня знаешь?

Хайда. Тихо так... Мы, джинны, многое знаем.

Ходжа. Хм...

Хайда. Я даже знаю каждый шрам на твоём теле. Вот этот ты получил в детстве, когда упал с яблони, с которой хотел стащить ханские яблоки. Вот этот – это тебя поколотили палкам и за дерзкую шутку. Вот этот...

Ходжа. Ты что, видела ...их все?

Хайда. Ну, конечно.

Ходжа. Э-э... А тебя учили, что такое аурат,.. девичья скромность?

Хайда. Ну, конечно. Аурат, это то, что надо прикрывать у женщин - всё, кроме ступней, кистей и глаз. И открывать у мужчин – всё, кроме как от пупка до колен. Как-то не равноценно... Про девичью скромность тоже что-то слышала...

Ходжа. Всё-таки, значит, слышала?

Хайда. Но мне же интересно.

Ходжа. Хорошее дело – «интересно»!

Хайда. Иногда я была рядом, случайно. Просто ты меня никогда не видел.

Ходжа. А ты меня?

Хайда. А я тебя всегда, когда хотела.

Ходжа. Всегда?

Хайда. Ну, конечно. Что мне за дело до этих глупых правил?

Ходжа. О, Аллах!

Хайда. Надо сказать, что ты выбирал не самых лучших женщин. Чем они тебе нравились?

Ходжа. Если б я знал, что ты рядом, то обязательно с тобой посоветовался.

Хайда. Тебе плохо, Ходжа Насреддин.

Ходжа. *(пауза)* Знаешь, один путник пришел к старому шейху и сказал: - Шейх, ты самый мудрый, у меня больше нет сил жить. Я читал много книг и беседовал с имамами, но только скорбь я вижу вокруг себя. Шейх ответил: - Ты просто устал. Это бывает даже с самыми сильными и самыми умудренными. Никому не дано истощать силу все дни лунного месяца. Отдохни, повеселись с друзьями... Путник ответил - Я всё это делал уже... - Тогда езжай в Багдад к ученикам великого ар-Рази, их искусство врачевания излечит тебя. – Я был у них. - Тогда вот что. Это точно поможет. Я слышал, в наш город приехал на своем осле дерзкий Ходжа Насреддин. Я никогда не видел его, но все говорят, что как только он появляется, все вокруг катаются от смеха и забывают о своей нелегкой жизни. Его язык не щадит не только султанов и эмиров, но и самого Аллаха. Стража ловит Ходжу, а он лишь смеется, и каждый раз ускользает. Сходи, поговори с ним, пока он здесь. - Конечно, схожу и поговорю, о, мудрый шейх, я очень благодарен тебе, - сказал путник. Беда только в том, что я и есть Ходжа Насреддин.

Гюндогды. *(появляется)* Так где же осел?

Ходжа. Посмотри на этот кувшин, и ты увидишь его.

Гюндогды. И как мы поступим? За тебя обещана хорошая награда. Ты распевал что-то недостойное про халифа ан-Насира, и в лучшем случае, тебя только повесят.

Ходжа. Если я расскажу про махрийскую верблюдицу, мы будем висеть рядом... Знаешь, Гюндогды, как-то другой путник зашел в мечеть и встал позади всех. И вдруг услышал Голос. – Хочешь, я расскажу всем, что знаю про тебя? Тебя забьют камнями прямо у дверей мечети. – Хочешь, - ответил путник, – я расскажу, что я знаю про Тебя и Твою милость? Сюда больше никто не придет, и не будет поклоняться Тебе. – Останемся каждый при своем знании, - сказал Голос... Давай, Гюндогды и мы так – каждый останется при своем... Я

спросил у мальчика, несущего свечу: - Откуда свет? Он тут же задул ее и ответил: - Скажи мне, куда он исчез, и я скажу, откуда он появился... *(Хайде)* Тебе надо отдохнуть, Хайда. Мне тоже. *(Хайда уходит)*

Гюндогды. Что ты в ней нашел? Тощая, как ветка сухой чинары.

Бобожон. *(просыпается)* Кошелек! Где мой кошелек? Он пропал.

Все просыпаются.

Сарыбек. Может, ты его просто обронил, Бобожон-ака? Посмотри хорошо. Ну, и сон я видел...

Бобожон. Я тоже. Летал птицей... И вот! О, Аллах, где мой кошелек!? Сюда, сюда!

Вбегают слуги.

Дервиш. А это не он? *(поднимает кошелек)* Возьми.

Сарыбек. *(замечает Гюндогды)* Гюндогды! Шайтан тебя забери, знаешь ли ты, что из-за тебя тут было? *(трет голову)* Или это тоже во сне? Ну?

Гюндогды. Привез.

Сарыбек. Ну? *(Гюндогды уходит)*

Бобожон. Это мой кошелек. *(берет кошелек, пауза)* Вот ты и попался, дервиш. Здесь было шестьсот динаров. Посмотрим, сколько теперь... Я тебе обещал, что ты заплатишь за свои слова.

Дервиш. *(встает, глухо)* Я не брал денег. Я только нашел кошелек.

Бобожон. Ну-ка, посчитаем.

Монах. Мы все видели.

Бобожон. Посчитай ты, христианин, я тебе верю.

Монах считает.

Дервиш. Бобожон.

Бобожон. Дервиши бывают разные.

Гюндогды приводит Джанане под накидкой. Сбрасывает накидку. Взгляд Дервиша застывает.

Бобожон. Козочка...

Сарыбек. О, Аллах, персик... Стыдливая... Но за стыдом обычно скрывается такое буйство...

Гюндогды. Мне тоже понравилась. Цветочек. Живет без родителей. Тетка ее отдала за двадцать дирхемов.

Сарыбек. А как мы узнаем, что она точно девственница?

Бобожон. А мы ее ...спросим. *(смеются)*

Сарыбек. Такие глаза не могут лгать. Ну, теперь погадаем...

Дервиш. *(подходит к Джанане)* Как тебя зовут?

Джанане. Джанане.

Дервиш. Мы с тобой оба лучше, чем они хотят думать про нас. Мы отличаемся от них. Я защищу тебя.

Джанане. Защитишь?

Зухра. Сарыбек, она совсем ребенок.

Сарыбек. Я сам ребенок. Только большой. Ха-ха... Заткнись. Ты мне больше не нужна.

Монах. Здесь четыреста. Но я уверен, что он не мог...

Бобожон. Четыреста! Четыреста! Все слышали?

Дервиш. Я не брал твоих проклятых динаров!

Бобожон. Или говори, где спрятал, или уже сегодня тебе отрубят правую руку у мечети на главной площади Харрана. Мы только... хм... погадаем на добрую дорогу и совершим утренний саят ассубх³⁰. Так что торопись – скоро будет светать.

В лохмотьях входит ан-Насир, лицо закрыто платком, видны только глаза.

ан-Насир. Ассаламу, добрые люди, не угостите лепешкой усталого путника?

Сарыбек. Валеюкум. Пошел прочь. Все усталые путники давно спят.

ан-Насир. Хоть кусочком.

Гюндогды дает лепешку.

ан-Насир. Аллах возблагодарит вас, братья мусульмане. Благодарю.

Гюндогды. Иди, иди.

ан-Насир. Немножко посижу с вами. А овечьего сала у вас нет?

Бобожон. Каков наглец.

Сарыбек. Гюндогды, вышвырни его.

Гюндогды берет ан-Насира за шкуру.

ан-Насир. Ай, зачем так? Я же только попросил лепешку, сейчас уйду. Слышу – шум, я сюда. Может, что случилось...

Бобожон. Случилось. Поймали такого же, как ты. Вора и проходимца.

ан-Насир. Вора? Нехорошо воровать.

Бобожон. Без тебя не знали.

Сарыбек. Ты откуда?

ан-Насир. Из Багдада.

³⁰ утренний намаз – от зари до восхода солнца.

Сарыбек. Из Багдада? И что ты там делал? Попрошайничал по караван-сараям и рабатам?

ан-Насир. Да, просил добрых людей помочь.

Сарыбек. Гюндогды!

Гюндогды. Ну, иди, иди. *(опять хватается ан-Насира)*

ан-Насир. Не обижай меня. Не надо. Беда будет.

Сарыбек. Это почему?

ан-Насир. Потому, добрый человек.

Сарыбек. Что?

ан-Насир. Потому.

Бобожон. Ну.

ан-Насир. Вкусная какая лепешка, хорошая... *(ест)*

Сарыбек. Всё, ты мне надоел...

ан-Насир. Я сахиб-берид - начальник почтовой службы халифа Багдада правителя миров ан-Насира, да продлит Аллах его годы и сделает их счастливыми.

Сарыбек. Сахиб-берид?

ан-Насир. Именно.

Бобожон. Я, пожалуй, сейчас сам его вышвырну.

ан-Насир. Ой-ой, не надо, беда будет.

Сарыбек. Гюндогды!

Гюндогды. Ну, я тебя сейчас! *(хватается ан-Насира)*

ан-Насир. О, Аллах, будь милостив к несчастному путнику, пошли мне твою помощь.

Появляются воины футуввы³¹ и Бармакид. Слуги разбегаются.

Бобожон. Воины футуввы!

ан-Насир. Ах, спасибо, Аллах, за помощь. *(перестает кривляться)* Да, это мои воины футуввы... Можно еще лепешку? Вкусная...

Сарыбек. Сахиб-берид?.. сахиб... почтовой... халифа...

ан-Насир. А также начальник тайной службы, ибо у халифа эти должности совмещены. Поэтому я вынужден скрывать свое лицо, очень надоедает...

Пауза.

³¹ особый духовный кодекс чести и поведения в исламе, а также что-то вроде рыцарских орденов.

Сарыбек. Сахиб-берид, угощайся, угощ...

ан-Насир. Садитесь. Кто вы такие? Вижу, что не арабы... Пусть каждый расскажет о себе и о чем вы тут спорили. Женщин это не касается.

Пауза.

Бобожон. Я... я...

ан-Насир. Ты.

Бобожон. Я – Бобожон из Хивы. Торгую... Торгую...

ан-Насир. Слышал я про тебя. Теперь ты.

Сарыбек. Я тоже... торгую. А зовут меня Сарыбек. Я из Бухары. Везу из Египта ткани, украшения... Потому здесь на другой караван грузюсь... и Навруз опять же... о, Аллах...

ан-Насир. Мы, арабы, Навруз как-то не очень... А ты, как я вижу, монах. Откуда?

Монах. Из монастыря святого Бенедикта в Подлажице. Это в Богемии.

ан-Насир. Что же занесло тебя в такую даль?

Монах. Настоятель послал меня. Один из наших монахов, Герман Отшельник, пишет самую большую книгу, какая бы была когда-либо написана. На нее ушло уже сто ослиных шкур... Это будет величайшая книга на свете – всё от Книги Бытия и пророков до зверей, дальних стран и самого дьявола... Я ищу и изучаю книги. В Акре я хотел посмотреть Библию Мелисанды. Говорят, она сказочно красива, в золотых красках и лазури... Отсюда я иду в Мосул – разыскать глиняные таблички Ашшурбанипала, про Гильгамеша... Но больше всего я хочу увидеть книгу великого Джазарі - про механизмы и двигающиеся фигуры.

ан-Насир. Джазари?

Монах. Да. Я был в Амиде, но Джазари умер. Говорят, одну книгу отправили халифу в Багдад. Туда я потом и собираюсь. Если, конечно, халиф позволит ее посмотреть.

ан-Насир. «Кита́б фи мари́фат аль-хия́л аль-хандаси́йя» - «Книга знаний об остроумных механических устройствах»... Да, хорошая книга. Я видел ее. А что же свело тебя здесь с торговцами?

Сарыбек. Я хотел договориться с ним...

ан-Насир. Чем монах тебе может помочь? Ну, говори, мы никому не расскажем...

Сарыбек. Я хочу продавать франкам и германцам землю, возить на кораблях...

ан-Насир. Зачем им твоя земля?

Сарыбек. В этом всё дело. Это не просто земля, - это Земля Крови.

ан-Насир. Крови?

Монах. Акелдама́...

Сарыбек. Точно. Акелдама.

Монах. Та земля, что была куплена иудейскими первосвященниками на деньги, заплаченные Иуде за предательство Иисуса, и где теперь хоронят странников...

Сарыбек. Хотя мы-то знаем, что не Иса умер на кресте, а сам Иуда... Думаю, Флоренция или Париж будут счастливы иметь на кладбище участок с этой землей...

ан-Насир. А та она, или нет - кто там поймет, да?.. Так. Ну, а ты?

Дервиш. Я просто дервиш. Я был в Дамаске, и иду в багдадский медресе ан-Низамию, - в Багдаде и Нишапуре лучшие во всём исламском мире. Там много истинных толкователей всех смыслов Корана, явных и тайных, знатоков шариата и сунны...

ан-Насир. Что же волнует тебя сейчас больше всего?

Дервиш. Кáдар. Свобода воли. Насколько мы свободны в своих действиях. То, о чем размышлял еще Хасан из Басры...

ан-Насир. Ты не похож на вора. Ну, а ты?

Ходжа. Я просто путник на извилистой дороге этой жизни. Я иду в Гиждуван. Среди сумрачных гор и раскалённых пустынь... Ветер хамсин занес меня в этот город в дни праздника...

ан-Насир. Ты не хочешь называть имя. Что ж, тебя не обвиняют в воровстве. Возможно, я спрошу тебя еще раз. *(Гюндогды)* А...

Сарыбек. Мой управляющий.

ан-Насир. Понятно. *(Дервишу)* Значит, ты не воровал?

Дервиш. Он потерял кошелек, я нашел и отдал ему. Теперь он говорит, что там было больше денег.

Бобожон. В кошельке было шестьсот динаров, а теперь четыреста. Он украл их и пусть он будет наказан, согласно шариату.

ан-Насир. Плохо твое дело, дервиш. Если у тебя нет однозначных доказательств.

Дервиш. У меня их нет. Я не брал денег. *(подходит к Джанане)* Пусть все думают, что хотят. Но я хочу, чтобы ты одна знала – я не брал денег.

Джанане. Я знаю.

Зухра. *(Ходже)* Помоги ему.

Ходжа. Когда-то я хотел помочь всем. И этот мир ничуть не изменился. Аллах знает, что делает.

Монах. Помоги ему, ты же можешь.

Ходжа. Аллаху или дервишу?

ан-Насир. Ты и вправду можешь рассудить это дело? Ты судья, кáди?

Ходжа. Нет.

Зухра. Ну же! Ради Аллаха!

ан-Насир. Попробуй, раз тебя просят.

Ходжа. Хорошо. Во всяком случае, он не торгует рабами... Скажи дервиш, можешь ли ты поклясться на Коране, что не брал денег?

Дервиш. Я могу поклясться на любой книге, которую кто-бы то ни было, считает святой, что не брал.

Ходжа. Хорошо. Теперь ты, добрейший Бобожон. Можешь ли ты поклясться на Коране, что в кошельке было шестьсот динаров? Только помни, что Аллах ближе к тебе, чем яремная вена.

Бобожон. Я известный торговец, меня все знают, довольно будет моего слова. Говорю – в кошельке было шестьсот динаров.

Ходжа. Это именно то, что я хотел услышать. Хотя, правду сказать, мне было всё ясно с самого начала. У нас нет оснований не верить, такому уважаемому человеку, как ты, Бобожон.

Бобожон. Еще бы!

Ходжа. Итак, дервиш готов поклясться на Коране, что не брал денег. Уважаемому Бобожону мы не можем не верить, что в его кошельке было шестьсот динаров. Что же получается?

Бобожон. Что?

Ходжа. Значит, дервиш нашел не твой кошелек, Бобожон. И раз он его нашел, и кошелек не принадлежит никому другому, значит он твой, дервиш. Милостивый Аллах послал тебе деньги на обучение. Хотя скажу тебе по секрету, что истинное знание обретается, когда книги и слова уже не нужны.

Пауза.

ан-Насир. Ха-ха-ха... Молодец. Быть по сему.

Зухра. Вот это да!

Ходжа берет кошелек у Бобожона и отдает Дервишу.

Бобожон. Как же так? Люди, уважаемый сахиб-берид, что это!? Я поеду в Багдад, я брошусь в ноги справедливейшему из смертных – халифу ан-Насиру!

ан-Насир. Рассказывают, что халиф Гарун ар-Рашид любил бродить неузнанным ночью по городу, чтобы знать, что люди думают о нем. Это ложь. Сказать честно, правителем он был никудашным... А я вот действительно хочу иногда узнать, за что меня все так ненавидят. *(открывает лицо)*

Сарыбек. Халиф ан-Насир!

Монах. Халиф ан-Насир...

Все, кроме футуввы и Бармакида, опускаются на землю и склоняются в поклоне.

ан-Насир. Я люблю бродить, как каирский халиф аль-Хаким. У нас, халифов, свои странности... аль-Хаким, например, запретил башмачникам шить женскую обувь, чтобы женщины всегда сидели дома... Христиан заставил носить деревянные кресты в локоть величиной, а иудеев – изображения тельца... Поднимитесь, сегодня мы по-простому, люди празднуют... *(все поднимаются)* *(Гюндогды)* О, какой взгляд, вижу воина. Туркмен?

Гюндогды. Туркмен.

ан-Насир. Туркмены – храбрые... У Салахаддина лучшие войска были из туркмен и курдов... Скажи, что по твоему мнению должен делать мудрый правитель мусульман?

Гюндогды. Только одно – священная война, а если правитель этого не делает, то ему лучше быть мертвым, чем живым, так как он развращает мир.

ан-Насир. Война... Меня и так ненавидят... *(Бармакиду)* Возможно, я возьму его с собой в братство футуввы. Если он честен также, как храбр. *(всем)* Мой вазир аль Кумми. Утверждает, что из Бармакидов. Потомков того перса-жреца Бармака, чья жена была взята в плен ровно на одну ночь полководцем Кутейбой... *(Бармакиду)* Почему же вы тогда Бармакиды, а? *(всем)* В общем, потомок тех кто, кто строил Багдад из базара, и кто всегда были вазирами при багдадских халифах. Врет, конечно... Мда... А ты что скажешь, дервиш?

Дервиш. Главный джихад это война со страстями, халиф, со злом и пороками в собственной душе.

ан-Насир. В собственной душе... *(Гюндогды)* Да, туркмен... Но знаешь, не только тот воин, кто держит в руке меч и рубится с неверными. Ученый, который молится в мечети, держит в руке перо и знает предписания ислама, тоже воин, и его перо острее меча... Однако, границы мусульманского мира мы все же должны расширять. И внутренним джихадом это не сделать... Но главный джихад с врагами внутри ислама. С еретиками и безбожниками. Правы те, кто говорит, что пролитие крови еретика стоит семидесяти священных войн... А с другой стороны, твои соплеменники совсем распоясались, и грабят всё больше и больше своих же братьев мусульман. Я написал в Гургандж хорезмшаху Аллааддину Муххамаду, который закрывает на это глаза, чтобы досадить мне... Если он не примет меры, я сам пошлю туда войска. А ты, что скажешь, монах?

Монах. Мой Господь, страдавший на кресте, - моя путеводная звезда. Остальное меня мало волнует... Но поскольку, правитель, мне выпала редкая честь видеть тебя, позволь поднести тебе небольшой и скромный подарок - книгу.

ан-Насир. Книги чужеземцев не заслуживают того, чтобы их читали. Да и любой, кто верит в рождение Бога из чрева женщины, совершенно безумен, - с ним не следует разговаривать, у него нет ни разума, ни веры... *(оглядывает Зухру, потом Джанане)* Красивая.

Бобожон. Мы привезли ее из города, и собирались гадать каким будет путь, повелитель. Я щедро заплачу ей.

ан-Насир. И в чем состоит гадание?

Бобожон. На ее ладони надо нарисовать квадрат и налить чернил. Потом на кусках бараньей кожи написать несколько аятов из Корана, бросить в огонь и читать суру Йа Син. Тогда она может увидеть на ладони будущее. Если она девственница.

ан-Насир. Что же она может увидеть ночью в чернилах при свете звезд и костра, даже если она девственница?... аль-Хаким вообще запретил работать по ночам, чтоб не портить зрение... Правда, потом он запретил работать днем. *(Джанане)* Кто твои родители?

Джанане. Они умерли. Я живу у младшей сестры отца.

Дервиш. Было бы хорошо, если бы ты вернул ее домой, великий халиф.

ан-Насир. Зачем ей такой дом? Завтра тетка продаст ее кому-нибудь еще... А тебе она нравится, дервиш? Будем считать ее моей невольницей. Что ты можешь дать за нее?

Дервиш. У меня есть четыреста динаров.

Бобожон. Кхе... *(кряхтит)*

ан-Насир. Ах, да. Но тебе она не нужна. Борись с пороками в твоей душе, дервиш. А мы попробуем получше устроить ее жизнь.

Сарыбек. Я могу дать тысячу.

Бобожон. Я тоже.

Гюндогды. Я дам двести.

Сарыбек. Гюндогды, так-то ты мне служишь?

Гюндогды. (*гордо*) Ага. Уже не тебе.

Сарыбек. Я могу дать три тысячи.

Бобожон. Я тоже.

Гюндогды. Я дам двести.

Сарыбек. Я могу дать пять тысяч.

Бобожон. Я тоже.

Гюндогды. Я дам двести.

ан-Насир. Вы же собирались только гадать... Двести. Не много. (*Гюндогды*) Но зато именно ты дал мне кусок лепешки... (*всем*) Домой возвращать ее не стоит... А вы – уважаемые купцы, хоть и довольно гнусные... А он – храбрый туркмен... Может, с вами ей будет лучше... Сделаем так. Сейчас мне некогда - отдайте ей эти деньги, пусть они будут у нее. Бармакид, проследи. (*тот кивает*) Я отправлю ее в Багдад, и там она будет жить до моего возвращения. Делайте свои дела, а через месяц вы встретитесь все трое у дома, где я ее поселю... Бармакид... (*тот кивает*) скажем, после полуденной молитвы, и она отдаст деньги вам. Когда вы будете все вместе. Тогда бросите жребий. Кому выпадет – возьмет себе все деньги и в тот же день женится на ней. Перед свадьбой пусть купит ей хорошее ожерелье в лавке Джафара, его в Багдаде все знают, и после приходит ко мне. Я устрою славную свадьбу и буду гостем. Если позволите...

Сарыбек. О, великий халиф! Какая честь! Я буду носить ее на руках!

Бобожон. Я буду сдувать каждую пылинку с ее платья!

ан-Насир. Посмотрим, кого выберет жребий, и какова будет воля Аллаха. (*Джанане*) Но отдать деньги ты можешь, только если они соберутся все вместе и никак иначе. Чтоб не было неожиданностей. Купцы такой народ... (*Монаху*) Видишь, я не так суров, как про меня рассказывают. Что у тебя там за книга?

Монах идет к ан-Насиру.

Ходжа. Не бери у него книгу, ан-Насир, а то вдруг сам будешь выглядеть глупо, и тебя назовут многобожником и еретиком.

ан-Насир. Ты посмел говорить, когда тебя не спрашивают? (*футувва достает мечи и окружает ан-Насира*) Ты не сказал свое имя. Кажется, я знаю, как тебя зовут. Но я хочу, что бы ты сам назвал себя. И ты сделаешь это.

Один из воинов подходит к Ходже и бьет его. Ходжа падает. Воин подходит к Монаху, берет книгу и отдает ан-Насиру.

ан-Насир. *(Сарыбеку, Бобожону, Гюндогды)* Ну, что ж дайте ей деньги. А ее тетке я pošлю этот перстень - это шабчираг, камень, который светится по ночам. Думаю, она будет довольна. *(Бармакиду)* Бармакид, возьми девушку.

Дервиш бросается на воинов, Монах на ан-Насира. Футувва преграждает путь. Драка.

ан-Насир. Взять всех троих.

Удар ветра, грохот, все падают. Белоснежные огромные крылья птицы Рух проносятся.

В новом наряде появляется Охотник.

Охотник. А! Боже! Опоздал, опоздал! Чуть-чуть... Видели, Видели!? Крылья, вроде, похожи... А, может, и нет. Возможно, это птица Джахра с перьями и из белой стали. Это перо, падая, пронзает всадника вместе с конем насквозь! А если она выбросит целую гроздь!? Ух!..

Исчезает.

Высокий протяжный гортанный крик птицы Рух.

Зухра. Год начался.

Часть вторая.

5

یاد کرد

Яд кард.

Поминание (Бога).

Языком и сердцем.

Солнечный день. У реки. Камыш.

Появляются Монах, Дервиш. Зухра, Ходжа.

Монах. Слава Аллаху, ушли. Здесь они нас не найдут. Нельзя было бежать в город – точно бы попались. Здесь можно перевести дух, и решить, что каждый делает дальше.

Дервиш. Значит, ты впервые в этих местах? *(Зухре)* Ну, мы спасались. А зачем побежала с нами ты?

Зухра. Сарыбеку я больше не нужна. Он продаст меня или подарит, или просто передаст кому-то из конюших или ловчих... *(Монаху)* Не гони меня.

Монах. Ты не понимаешь...

Дервиш. Я тоже что-то не всё понял. *(Ходже)* Зачем ты не дал ему подарить книгу?

Ходжа. Он не собирался ее дарить.

Дервиш. Не собирался?

Ходжа. Он хотел убить ан-Насира.

Зухра. Убить? Халифа Багдада? Ты просто герой.

Дервиш. *(Монаху)* Убить? Вот так монах...

Монах. *(пауза)* *(Ходже)* Как ты догадался?

Ходжа. По глазам. С таким взглядом подарки не дарят... Ты был выдержан, учтив, спокоен... Но глаза... Ты старался не поднимать их, чтобы он не почувствовал. Но когда он отвернулся, ты бросил взгляд, и я... всё понял... Да, и слишком складная твоя история. Гильгамеш, Джазари... Если бы ты его убил, мы погибли бы все.

Зухра. Это правда? Значит, я могла умереть вместе с тобой? *(Ходже)* Зря ты помешал ему.

Монах. Зухра!.. Да, вы могли погибнуть вместе со мной. Тогда это не имело значения.

Дервиш. Врешь. Имело. Тебе так же, как и мне ненавистен тот торговец, и когда они решили попользоваться девчонку, ты, как и я остался, чтобы не дать совершиться гнусности.

Монах. Мне жаль, что я рисковал вами, особенно тобой, Зухра.

Зухра. Не жалею. Невелика потеря.

Монах. *(Дервишу)* Но первым-то бросился ты.

Дервиш. Я... не смог бы все равно жить дальше, зная, что она достанется этим паукам, а я был рядом и никак не помог.

Зухра. Это любовь.

Дервиш. Не знаю... Возможно, только желание предотвратить чудовищную несправедливость.

Зухра. Это любовь.

Ходжа. Мда...

Монах. Вот и у меня всё помутилось в голове. Это неправда, что я был спокоен – это только внешне... Я думал найти его в Багдаде. А он тут. Судьба. Милосердный Аллах на моей стороне. Как упустить такую возможность, если само небо дарует ее? Да, я хотел убить ан-Насира...

Ходжа. Если не хочешь – не говори ничего.

Монах. Нет. Вы могли погибнуть со мной. Ни за что... Он убил моего отца, и мать не вынесла горя... Она умерла... Она была слабая и больная, и ...у меня нет ни братьев, ни сестер... Штука в том, отец был убит ни за что, как могли сейчас погибнуть и вы. И совершив справедливость, я принес бы другим такое же горе, какое принес мне ан-Насир. О, Аллах, что я делаю! *(Ходже)* Значит, я должен благодарить тебя...

Ходжа. Только Аллаха. Всё делает Он. Волею Его я просто оказался рядом.

Дервиш. Как погиб твой отец?

Монах. В том-то и дело, что подло, подло, подло. Он просто оказался рядом с тем, кого собирались убить, и попытался помешать убийству... О, мой бедный храбрый отец... Он вовсе не был воином... Но он был истинным мусульманином... и был убит... где!? В Мекке! на святой земле! во время хаджа! к которому он готовился всю жизнь... ан-Насир хотел уничтожить эмира Мекки, Огулмышу, и ему было все равно – святая земля или нет. Он нашел лучших из тайных убийц, которых боятся все правители мира, и от которых нет спасения. Они могут годами выдавать себя за других, они подбираются близко и выжидают, они не страшатся ничего... Бедный отец... Его ударили кинжалом, даже не обращая внимания, как будто отгоняли муху... Один взмах руки... Он даже не представлял, кого пытается остановить ... И я поклялся наказать ан-Насира его же оружием.

Ходжа. Ты – фидаин.

Зухра. Фидаин!

Дервиш. Хашишшин.

Монах. Да, иногда нас так называют и так. Есть глупая легенда, что наших воинов поят дурманящим зельем, среди трав которого есть и гашиш, потом белорудые красавицы ублажают их, и говорят им, что они в раю... А потом – сделай что надо, и ты снова там окажешься... Чушь... Да, я пошел в Аламут и стал фидаином, чтобы убить ан-Насира... Я думаю, он в этих краях сейчас потому что снова ведет переговоры с аламутским имамом Хасаном, и снова что-то затевает. И кто-то умрет... Но теперь я не знаю, что делать, когда чуть не погибли вы. Бессмысленно, как мой отец.

Ходжа. Но вот что – ты изучил столько великих мусульманских книг. Столько христианских.... И ради чего? Убивать? Убить?

Монах. Он не должен жить.

Ходжа. Это должен решать только Аллах... Убить... Если ты хочешь узнать, каким будет мир после твоей смерти, посмотри, каким он стал после смерти других... Мир не меняется, и так ты ничего не изменишь, не изменившись сам. Даже глупый джинн не стал убивать, а мог.

Голос Бахиры. Как хорошо говорит.

Ходжа. Что? Показалось...

Дервиш. Джинн? Значит, это был не сон?

Голос Джинна. Что значит «глупый»? Что он имеет в виду?

Ходжа. Я сам давно не чувствую грани между сном и явью.

Зухра. (Монаху) Ты самый храбрый на свете. Я иду купаться. Пошли со мной. (Целует Монаха)

Голос Бахиры. Как она его поцеловала... Какой мужчина! Ты меня так не целовал.

Голос Джинна. Она ведь его целует, а не палкой бьет.

Ходжа. Вы что, всё это слушаете?

Джинн. Конечно. И смотрим.

Голос Хайды. Ну, давайте, идите купаться.

Голос Джинна. Хайда!

Голос Хайды. Ну, мне же интересно!

Появляются.

Ходжа. Так.

Дервиш. Однако.

Монах. Ассаляму.

Джинн. Валеюкум.

Хайда. А дервиш, между прочим, тоже совсем не дервиш.

Ходжа. Хайда, больше ничего не говори.

Хайда. А я ничего и не говорю, Ходжа Насреддин.

Монах. Ходжа Насреддин!

Дервиш. Ходжа Насреддин!

Бахира. Всё, мы уходим. Купайтесь, целуйтесь, делайте, что хотите. Алпан Палпан... тьфу!.. хватит пялиться.

Джинн. Я не пялюсь.

Бахира. Пялишься.

Зухра. Погодите. А вы можете нам помочь?

Джинн. Конечно, иншаалах³², с радостью. Если только вы знаете сотое имя Аллаха. Назовите его и любое ваше желание...

Ходжа. Мы не знаем его.

Джинн. Жаль. До встречи. *(исчезают)*

Зухра. Сотое имя Аллаха...

Ходжа. Когда-то в детстве у городских ворот я увидел старика. Где-то за городом он собрал хворост и нес домой. Стражники потребовали налог, денег, а у него их не было. И они ударили его. Он сел на землю и заплакал от боли... Я пришел к своему учителю и сказал: - О, мудрый Абд аль-Халик, учитель, почему ты не открыл мне сотое имя Аллаха, ведь ты же знаешь? Там, у ворот, ударили старика, и он заплакал. Если бы я знал это имя, я защитил бы его. Учитель спросил: - Это был старик с длинной седой бородой и шрамом на правой руке? - Да. - Это именно тот человек, который открыл мне его. Сотое имя Аллаха.

Пауза.

Монах. Я люблю тебя, Зухра.

Зухра. О, Аллах, всю мою жизнь, каждый ее день я готова отдать за эти слова.

Монах. Я знаю, дервиш, куда ты пойдешь теперь. Я пойду с тобой. Пусть Аллах все решает.

³² если будет на то воля Аллаха.

Зухра. Я иду с тобой, что бы ты ни решил потом.

Монах. Это опасно, Зухра. Теперь меня знают в лицо, и будут искать, а главное, теперь *он* знает, что его хочет убить фидаин, и утроит охрану. Пусть что угодно случится со мной. Но не с тобой.

Зухра. Я иду.

Монах. Этот канал идет от Водяных ворот Харрана до реки Балих, она уже тут, рядом. У меня есть лодка, есть одежда... Балих впадает в Евфрат, и по нему мы можем доплыть до города Эль-Фаллуджа. От него до Багдада не более десяти фарсахов. Правда, я плохо знаю Багдад. В другой ситуации это не имело бы значения...

Дервиш. Я совсем его не знаю.

Ходжа. (*Дервишу*) Не знаю, для чего ты шел туда раньше, но теперь ты идешь только ради эфемерной любви, которая может стать только маревом миража над пустыней.

Дервиш. Я должен ее спасти. Теперь я понимаю, что всё, что было до того – только вело меня к этому. В ней теперь собран весь мир... Я должен спасти Джанане.

Ходжа. (*пауза*) Я расскажу тебе историю о том, какую цену иногда требует любовь. Готов ли ты платить ее, если потребуется?

Дервиш. Я готов отдать жизнь.

Ходжа. Иногда и этого мало.

Ходжа. Когда он родился, он уже был прекрасен, и об этом рассказывали далеко от его дома. Он родился в Аравии, и мало кто теперь помнит его имя, оно потеряло свой смысл. Он рос и каждый, кто видел его лицо, молился за него...

Джанане-Лейла. И она была прекрасна от рождения. Тонкий стебелек с глазами удивленной газели, от них шел свет, как от далеких звезд. Волосы ее были черны, и потому ее так и звали – Лейла, что значит, ночь. Они должны были встретиться - так было написано в великой книге судеб золотыми чернилами на буйволовых кожах, и они встретились. Они встретились еще детьми, когда их отдали в школу, и с первого дня они не могли расстаться друг с другом.

Дервиш-Меджнун. Они уже попали в этот дурманящий райский сад любви, но еще не понимали этого. Другие учились слагать и вычитать,..

Джанане-Лейла. ...а они изучали свою математику, где нет вычитания.

Дервиш-Меджнун. Другие учили правописание,..

Джанане-Лейла. ...а они создавали свой волшебный словарь, непонятный другим ...

Дервиш-Меджнун. Он забрал ее сердце, он похитил его и, вручив свою душу ее красоте...

Джанане-Лейла. И он... погубил свою душу.

Монах. Он погубил свою душу.

Ходжа. Но время шло, они росли, как растут прекрасные тюльпаны или фиалки, и вдруг они поняли – это любовь тянет их друг к другу. Влечет, как влагу к сухой земле, как ветер к парусу корабля, как свет к темноте.

Зухра. О бедные мотыльки, пламя уже близко, и скоро крылья ваши будут опалены.

Ходжа. Сначала они испугались, и попробовали не встречаться, чтобы не видеть друг друга. Но он, он и мгновенья не мог представить себе без любимой. Он все время бродил вокруг ее дома. И ночью целовал ее дверь.

Монах. Он начал писать стихи, он ходил по базару и твердил ее имя, и вскоре все начали звать его безумцем, которым овладели джинны – его начали звать Меджнуном.

Дервиш-Меджнун. Меджнуном.

Зухра. Меджнун и Лейла – безумец и ночь. Безумец, потерявшийся в ночи...

Монах. Постой, дай поговорить с тобой.

Дервиш-Меджнун. Я буду слушать тебя, если ты расскажешь о ней. Если ты хочешь говорить о чем-то другом – уходи.

Монах. Посмотри, твоя одежда изодрана.

Дервиш-Меджнун. Ты говоришь не о том.

Монах. Ее отец сказал, что никогда не быть вашей свадьбе, потому что он не может отдать жемчужину своего сердца за одержимого джиннами.

Дервиш-Меджнун. О, ветер, лети и коснись любимой, коснись ее алых губ, коснись ее черных кос, лети и носи ей мои слова: Если бы не слезы, я давно бы сгорел в пламени моей любви к тебе. Я хочу только видеть тебя. Я хочу только слышать тебя.

Шатер, полог открывается, Джанане снимает покрывало с лица. Играет на чанге³³.

Дервиш-Меджнун. Ты утро, пробуждающее мир, любимая.

Джанане-Лейла. Ты свеча, сжигающая сама себя, любимый.

Зухра. Она – светлая луна.

Монах. Он – высохший тростник.

Джанане-Лейла. Отец не даст разрешение на свадьбу, любимый.

Дервиш-Меджнун. Не плачь, любимая. Твои слезы, как острые камни режут мне сердце, не плачь.

Ходжа. Он бродил по улицам, он читал стихи, голова его была непокрыта, и вслед ему кричали – безумец, безумец! Но он не слышал этого и не видел ничего вокруг. Он останавливался и шептал – Лейла, Лейла...

Дервиш-Меджнун. Пусть на меня свалится горный камень, пусть меня расплавит молния... О. мои бедные родители, какую боль я принес вам... Но я ничего не могу поделаться с собой... Я уйду в горы. Не ищите меня. (Монаху) Друг, возьми меня за руку... (Ходже) Путник, возьми меня за руку. Я знаю, что я безумен.

Зухра. Сейчас время хаджа. Кааба спасет тебя. Аллах милосерден, попроси его.

³³ струнный инструмент. В средние века типа арфы, позднее - типа современных цимбал.

Дервиш-Меджнун. О, милосердный Аллах, не забирай у меня мою любовь, потому что я сразу умру без нее. Озари меня светом, дай мне силы любить еще больше мою любимую. Или забери мою жизнь и добавь отпущенное мне моей любимой.

Ходжа. Он ушел в пустыню, и жил один, он писал стихи - каждая строчка была о ней. Умер от горя его отец, и от слез умерла мать. Лейлу выдали замуж. Но она не позволила мужу прикоснуться к себе. Бедный, безумный Меджнун. Несчастливая Лейла. Он писал ей стихи, и птицы на крыльях относили их ей. Она шептала в ответ, и ветер доносил этот шепот к его ушам.

Джанане-Лейла. О, мой любимый, приходи в этот сад. Остуди мое сердце, затуши этот жар. Я погибаю...

Ходжа. Он увидел газелей, попавших в сети.

Дервиш-Меджнун. Мои бедные. Ваши глаза, как глаза моей любимой. Будьте свободны.

Ходжа. Он увидел оленят, попавших в силки.

Дервиш-Меджнун. Вы страдаете так же, как я, разлученный со своей любимой. Будьте свободны.

Ходжа. Он увидел волка, попавшего в капкан.

Дервиш-Меджнун. Твоя рана так же глубока, как моя. Будь свободен.

Ходжа. Он стал жить, окруженный зверьми, питаясь травой и сочиняя стихи.

Дервиш-Меджнун. Вы, звезды на небе, передайте привет моей Лейле. Пусть свет ваш укутает Лейлу сиянием вашим. Вы планеты – вечные путники, отнесите эти строки моей Лейле, пусть услышит она ваше пенье, а в вашем пенье мой голос.

Джанане-Лейла. Моя душа не разлучна с тобой ни на миг, о, любимый. И сердце мое разрывается вместе с твоим. Но нам остается только терпеть и надеяться. Я выплакала глаза, они пусты. Я не хочу их открывать, потому что нигде я не вижу тебя. Только Аллах друг одиноких. На него я надеюсь. И молитвы шепчу за тебя и меня.

Ходжа. Мы никогда не пойдем, почему небо выбрало их. Может быть для примера другим. Был Меджнун не простым сумасшедшим, а небесным избранником. И стихи его доносили уста до дальних стран. И в мучении этом была для него скрытая радость.

Джанане-Лейла. Но годы всё шли, неожиданно умер муж Лейлы. И кричала она над его телом, как было заведено, и хранила по нему траур, как положено, ровно два года. А после пришла к Меджнуну. И увидев друг друга, они потеряли сознание.

Дервиш-Меджнун. А потом сидели вдвоем и смотрели друг на друга, как два отраженья. И уединение их сторожили дикие звери.

Ходжа. Они не касались друг друга. Они и так были едины, одной сутью.

Джанане-Лейла. Лейла вернулась к себе, чтоб собраться в дорогу, чтобы уже никогда, никогда не разлучаться. И слегла. Слабость душила ее, сердце ее не вынесло многолетних страданий. Лейла умерла.

Дервиш-Меджнун. И Меджнун сидел на ее могиле, окруженный зверями, как при их единственной встрече за долгие годы.

Ходжа. Он сидел, пока и его не оставили силы. Он ушел в мир иной за своей любимой, а звери и хищники никого не подпускали к могиле. Говорят, кто-то во сне видел их вместе в раю, в сладком Иреме, в объятьях друг друга.

Джанане-Лейла. Смеялась Лейла,

Дервиш-Меджнун. и Меджнун пел ей прекрасные песни.

Ходжа. Так или нет это, мне не известно. Верно одно – в этой ночи потерялся безумец. И оба погибли.

Ходжа. Так вот, дервиш.

Дервиш. *(пауза)* Я иду. Ходжа, ты знаешь Багдад?

Ходжа. Знаю.

Монах. Ты сможешь нам?

Ходжа. Лучшее, что ждет меня в Багдаде – виселица. Когда-то я сильно обидел халифа, сравнив его со своим ишаком. Он этого никогда не забудет.

Зухра. Значит, нет?

Ходжа. Ты тоже хочешь, чтобы меня повесили?

Зухра. Без тебя они не справятся.

Ходжа. Любовь... Самая эгоистичная вещь на свете. Тот, кто любит, легко готов отправить на смерть любого другого ради своей любви.

Зухра. Ну, ты идешь?

Ходжа. Я иду в Гиждуван.

Зухра. Пожалуйста.

Монах. Ходжа.

Дервиш. Ходжа.

Ходжа. Судьба разбивает человека, как кусок стекла. И никогда эти кусочки уже не соединятся вместе... Что ж, мой учитель когда-то учил меня - что бы у тебя ни было на уме - забудь это. Что бы ты ни держал в руке - отдай это. Какова бы ни была твоя судьба - предстань перед ней... Если это любовь - может быть, виселица подождет меня еще хотя бы пару месяцев... Можно испробовать сотни уловок, но только любовь освободит тебя от самого себя. Сказано - никогда не избегай любви — даже любви в ее мирском облики — ибо это путь к высшей Истине. Возможно ли читать Коран, не выучив вначале букв алфавита?.. *(Дервишу)* Ты хотел изменить мир. Измени себя, и спаси того, кто любит тебя. И мир спасется любовью. Я иду с вами.

Дервиш. Спасибо, ходжа. Всё кроме любви есть суеверие. Теперь я знаю это.

Монах. У нас есть час передохнуть. И в путь. В Багдад.

Зухра. Я знаю стихи, но не умею читать. Научи меня хотя бы алфавиту, фидаин.

Монах. Сейчас?

Зухра. «Потом» может и не быть. Евфрат начинает течение в раю. Но попадем ли мы туда?.. И доплывем ли вообще до Евфрата, чтобы хотя бы потрогать рукой воду рая, если уж не судьба окунуться в нее? Итак, буква первая...

Монах. Алиф.

Зухра и Монах купаются.

6

باز گشت

Баз гашт.

Возвращение.

Если тебе вдруг покажется, что ты чего-то достиг – ты не достиг ничего, вернись. Чтобы не впасть в самонадеянность – возвращайся к словам: Господь мой, моя цель – это Ты. Мне нужно Твое одобрение.

Багдад. Монах и Дервиш в черной и синей чадрах прогуливаются у мечети, иногда останавливаются.

Дервиш. А хамелеон? Что он ему сделал, вашему пророку?

Монах. Он раздувал огонь под Ибрахимом, алейхи ас-салам.

Дервиш. Это когда было? Когда жил Авраам? Нет, получай награду, если убьешь несчастного хамелеона с одного удара, получай меньшую, если с двух... Эти бедные бу-каламуны знать не знают ни про Ибрахима, ни про огонь.

Монах. Ты прочитал много книг, но ничего не понял.

Дервиш. А ваш рай? Куча девственниц и вино, которое не пьянит... В чем радость каждый день охаживать столько девственниц? И чем тогда ты отличаешься от Бобожона?

Монах. Это образ, глупец.

Дервиш. Хорош образ.

Монах. Простыми словами говорится о сложном.

Дервиш. Ну, конечно. Знаю я такое «сложное». Да, и хадисы я читал... Всё там очень даже конкретно.

Монах. А ваш бог, родившийся от женщины, это что? Язычество...

Дервиш. Бог может воплотиться во что угодно. Штука не в том, что он родился, и даже не в том, что он мог умереть – Бог! – штука в том, что он воскрес, прошел небесным пламенем сквозь ткань плащаницы. И показал путь. «Я есмь дверь»... Вошедший спасется. То есть сольется с Высшей Сущностью... Это и будет раем.

Монах. Слушай...

Дервиш. Что-то долго их нет. Небо краснеет, что это?

Монах. Возможно, будет самум.

Дервиш. Самум?

Монах. Песчаная буря. Странно, так рано обычно не бывает.

Дервиш. Может, пойдём тоже?

Монах. Мы не знаем город... Будем ждать. Тем более, тебе в этой парандже ходить еще опасней, чем без нее.

Дервиш. Это почему?

Монах. Есть много деталей, которых ты все равно не знаешь.

Дервиш. Например?

Монах. Например, женщина здесь никогда не пройдет между двумя говорящими мужчинами. Это невозможно. А ты уже почти сделал это у базара, и если б я тебя вовремя не оттащил... С тебя бы вмиг стащили паранджу, и хоть ты, я верю, лучший из лучших среди рыцарей Храма Сулеймана, уже сидел бы в дворцовом зиндане. И ожидал воли халифа.

Дервиш. Да... судьба может легко разбить человека, словно кусок стекла.

Монах. Да. Это слепой Маарри. Величайший поэт и величайший богохульник, один из трех, признанных самыми-самыми... богохульными. Он считал стихи Корана очень слабыми именно поэтически... И говорил, что люди в общем-то неплохо жили, пока не пришли пророки и всё испортили... А религия – это глупости и басни... мусульмане сделали своими догмами заблуждения христиан, которые те унаследовали от евреев... Так он говорил, безумец. Но милосердный Аллах не покарал его, что еще более укрепляет мою веру. Маарри дожил до преклонных лет, правил городом, ел только полмены гречаного хлеба в день (*показывает руками размер*), - и писал прекрасные стихи... А сама эта безумная и старая, как мир идея о том, что у Бога может быть сын?!.. Это что?

Дервиш. У Иисуса Христа двойственная природа, ты же читал... Я думаю, на самом деле ты понимаешь о чем речь – когда ты молишься, именно ты - я уверен ты не можешь не чувствовать присутствия другого мира в этом, повседневном... Скажу тебе больше, если бы вдруг оказалось... только предположить... но все-таки... что отцом Иисуса действительно был этот грек-легионер, как пишут ненавидящие Христа... знаешь, моя вера была бы ещё сильнее... Бог, чтобы спасти человечество, показать путь к спасению, воплотился в сына обычной женщины, грешницы, как все мы, но ставшей святой... О, Господи, что я говорю?... Я сам богохульник...

Монах. Помнишь, Ходжа говорил о Рабие? Не о той, что писала стихи, о другой. Один набожный старик днем и ночью твердил: «стучите в дверь, и она откроется»... Наконец, он ей надоел. Рабия подошла к нему и сказала – ну, что ты долдонишь все время – «стучите в дверь и она откроется, стучите в дверь и она откроется»... Как будто эта дверь бывает закрытой... - Так сказала Рабия... От кого бы ни родился Иса, от царя или раба - для нас он пророк и праведник, а у вас от его учения ничего не осталось... Ваши церковные соборы отобрали только выгодное церкви...

Дервиш. Ты полагаешь все там были глупцы, тупицы и мошенники? Ты знаешь, сколько мученически... мученически! погибло за эту веру Ты считаешь, они были так наивны и легковёрны?

Монах. Вы и евреи извратили, сказанное Аллахом.

Дервиш. Да, И Авраам-Ибрахим был, конечно, праведнейшим мусульманином... Вообще, все рождаются милейшими мусульманами, а потом мерзкие родители делают ребенка йахудом-иудеем, насара-христианином или многобожником... Скажи, а кто именно извратил Священное Писание, если там один за другим идут только праведные Нух, Ибрахим, Дауд, Йакуб, Йусуф, Аййуб, Муса...

Монах. Ну, подначитался.

Дервиш. А ты думал.

Монах. Мы никогда не договоримся.

Дервиш. А для чего нам договариваться? Каждый из нас знает, что он прав. Но думаю, что я прав больше. *(смеется)* Правда в том, что любого из нас жизнь действительно может разбить, как кусок стекла... И правда в том, что все мы, разные, дышим одним воздухом... *(пауза)* А я был в его городе, этого Маарри. Там до сих пор перед воротами стоит столб в десять локтей, с заклинаниями от скорпионов.

Монах. Да, именно в этом городе твои братья во Христе-крестоносцы когда-то насаживали мусульманских младенцев на копья, как перепелов или уток, жарили на кострах и ели.

Дервиш. Это не крестоносцы. Это тафуры. Чернь, отбросы, фанатики, безумцы... Они бросались в бой впереди войск практически без оружия... И остановить их было невозможно... Они не подчинялись никому и жили своей жизнью - верили, что идут прямо в царствие небесное... и тот среди них, у кого вдруг находили деньги, немедленно изгонялся. Я встречал таких и среди ваших шахидов... Те вырывали сердца и внутренности у христиан, и пожирали их, как дикие звери, размазывая кровь по рыжей от хны бороде... Но *тогда* - были тафуры.

Монах. Крестоносцы тоже были... Единственное, в чем ты прав – человек может превратиться в зверя, несмотря на ни какую религию, а часто и во имя ее. «Чернь», «отбросы»... Видишь, как в тебе заговорило благородное происхождение...

Дервиш. Значит, религия еще не всё.

Монах. Но без религии было бы еще хуже.

Дервиш. Возможно, хуже бы не было, но было бы проще и понятнее.

Два воина футуввы подходят к ним, пристально смотрят.

Ходжа неожиданно появляется сзади в одежде индуса, с корзиной, за ним Зухра с усами, бородой в мужской одежде.

Ходжа. *(высоким голосом)* Ха-ха-ха... Ха-ха-ха... Чудеса Хиндустана – говорящие змеи, чрево вещающие камни!.. Чандра-мачандра! *(из корзины появляется змея)* Спи, дорогая, спи... ути-ути... *(змея скрывается в корзине)* *(футувве)* Только что рассказали – знаете, как Ходжа Насреддин считал ослов? *(воины переглядываются)* Однажды ему поручили перегнать двенадцать ослов, я бы даже сказал ишаков. Он, конечно, их пересчитал. Точно - двенадцать. Он сел на осла и поехал. Тёк-тёк-тёк... *(показывает)* Вдруг он подумал - а все ли ослы идут рядом? Он начал считать, один, два, три, четыре... и, о горе! – одного не было. Ходжа протер глаза, остановился, слез с осла, и снова пересчитал. Все ослы были на месте. О, Аллах, что же

это? Он сел на осла и поехал. Тёк-тёк-тёк... И решил опять пересчитать. Один, два, три, четыре... И опять одного не хватало. Он опять слез с осла и посчитал. И опять все осламы довольные, как мы все, стояли рядом. Что это, джинны шутят надо мной? – закричал несчастный Ходжа, - Куда все время девается один осел? Так бы это и продолжалось, но тут проезжал на своем арабском скакуне храбрый воин футуввы. Он посмотрел на Ходжу, потом на осла, потом снова на Ходжу, и сказал – Ходжа, я подскажу тебе, что делать. Ты просто все время иди рядом со своими ослами, потому что ничем от них не отличаешься, и они никуда не будут исчезать. Так он и шел всю дорогу пешком, довольный, что теперь осламы всегда было двенадцать. Ха-ха!

Воины смеются, уходят. Ходжа хватается Монаха и Дервиша за руки, смеясь, переводит в другое место.

Ходжа. Кхе-кхе... *(откашливается, обычным голосом)* Вы с ума сошли, проклятые перипатетики.

Монах. Кто?

Ходжа. Не важно. Ваши, совсем не девичьи голоса из-под чадры слышны до халифского дворца. Я вас просил молчать. Возле мечети это можно делать бесконечно... Так. Мы были возле ее дома...

Дервиш. Были! Она там?

Зухра. Ее не видно - забор высокий... Но я слышала ее голос.

Ходжа. Я видел Бобожона, он уже в Багдаде.

Монах. *(поднимает чадру)* Это хорошо.

Ходжа. Я смотрел отход. Запоминайте, потому что вместе нам идти нельзя такой толпой... Зухра вас доведет. Там узкий проход есть возле чайханы, но будет охрана, четверо.

Дервиш. Это я решу.

Монах. Лучше я. Я их лучше знаю.

Ходжа. Из футуввы, из тех, кто был там, у Харрана...

Монах. Ничего.

Дервиш. Я буду рядом.

Ходжа. Ну, что ж, надеюсь, Аллах нам поможет. А то, кто как в него верит, он, думаю, разберется без нас. Дальше будет так – у дома их трогать нельзя – будет шум и прочее... Джанане отдает деньги, они бросают жребий, тот, кому повезет, идет с Джанане и этими четырьмя охранниками к лавке Джафара за ожерельем. Зухра, как только бросят жребий, идет вперед короткой дорогой через развалины, я ей показал, чтобы сообщить, что всё в порядке. У карагача, рядом с лавкой, вы их встречаете... Дальше по Каменному мосту через Тигр. Увидите минарет, держитесь на него, если заблудитесь, хотя Зухре я всё показал. За мечетью базар, они здесь все неподалеку от ворот. За этим базаром – Куфийские ворота. Выходите – там вас будет ждать человек, Зухра его видела. Я купил места в караване для вас четверых. Вот одежда и деньги, которые остались. Ну, там решите куда дальше – в Куфу, Йезд, Басру к морю... Ну, кажется всё, в корзине продукты и вода. Змею отпустите, она не ядовитая. Что ж, бубенцы на верблюдах уже звенят... А я ухожу.

Монах. Куда?

Ходжа. В Гиждуван.

Дервиш. Ходжа, благодарю тебя. *(обнимает)*

Монах. Я тоже.

Зухра. Пусть судьба хранит тебя.

Ходжа. Вот что. *(Дервишу)* Сейчас мы расстанемся и уже никогда не увидимся. Поэтому... Ему ты уже все рассказал, как я понял... Я тоже знаю, что ты не дервиш...

Дервиш. Знаешь?

Ходжа. Скажи, для чего это было?

Дервиш. Но как ты узнал?

Ходжа. Ну, ты просил передать лепешку, протянул руку, а другая в это время чуть обозначила круг... еле уловимое движение... Я мог ошибиться, конечно. Но когда ты попросил рыбу, а рука чуть нарисовала волну... Тамплиерам запрещено разговаривать во время совместной трапезы, они могут просить что-либо только жестами... Ну, еще кое-что...

Дервиш. Всё верно. Почти. Я не просто рыцарь Храма Соломона... Я много лет в ордене, и долгое время считал его лучшим, и честнейшим, из того, что есть на земле... Даже наши цвета – красный и белый от монахов-цистерцианцев.

Монах. У нас, фидаинов, тоже белая одежда и красные тюрбаны... Без всяких монахов.

Дервиш. У меня, как положено, была своя роговая миска, два кубка, добрый конь, верный меч и вера в Господа и справедливость... Римская церковь всё предала, она утонула в роскоши и похоти...

Монах. У нас не лучше. Хотя церкви у нас нет.

Дервиш. Орден тоже... погряз в торгашестве и распутстве... В Фамагусте, на Кипре, ни одна девушка не может считаться женщиной, если она не переспала с тамплиером... Какая низость!.. Какой позор!.. Об этом ли мы мечтали, давая обет безбрачия во имя Господа?... Нищета и безысходность... Я был в Йемене... какой ужас... неприкасаемые аль-ахдам, потомки переплывших Кульзумское море... Они могут быть только грязью... всегда, вечно... они не могут иметь даже дома, лачуги... И это не изменится... и через тысячу лет они будут грязью... О, чудовищный мир! Я решил, что наступают последние времена.

Ходжа. И ты захотел изменить его.

Дервиш. Мы захотели изменить мир, сделать его справедливым. Иначе, зачем жить?.. Нас много. Внутри ордена мы создали тайный «капитул утешенных» - тех, кто крещен Духом Святым-Параклетом-Утешителем... Каждый давал новую клятву и читал три молитвы: молитву Моисея, Иисусову – первосвященническую, и... аль-Фатиху, первую суру Корана...

Ходжа. Аль-Фатиху... Бафометова молитва...

Дервиш. Не думай, мы - христиане. И умрем ими... Нам было нужно что-то очень сильное, что могло бы быть нашим знаком, символом, источником силы здесь, на Востоке... Мне поручили добыть меч...

Ходжа. Зульфикар! Меч Пророка, салялляху алейхи ва саллям.

Дервиш. Да, Зульфикар, меч пророка Мухаммада. Тот который может висеть в воздухе и убивает только неправедных... Этот меч сейчас в Багдаде... Но теперь... Джанане... Я думал нет больше чистоты и искренности на этой земле, нет настоящей любви. Эта персидская девушка... Мне не нужен другой мир... Если она будет со мной, мне все равно. Я не хочу быть тамплиером.

Ходжа. *(пауза)* Ты поменял всю свою жизнь за один миг.

Дервиш. Я... не мог ее не поменять. Тогда, в Харране, я подумал - вот, в ней ты должен ответить за справедливость этого мира, даже если умрешь прямо сейчас...

Ходжа. Воистину, всё, кроме любви, есть суеверие... А как же дети в Йемене?

Дервиш. Я буду думать об этом потом. Возможно, стану врачом.

Ходжа. Но ведь она не христианка.

Дервиш. Мне все равно. Для меня сейчас в ней мир, который я должен спасти. Я люблю ее.

Ходжа. *(пауза)* Прощайте. *(уходит)*

У дома, где находится Джанане.

Подходят Сарыбек, Бобожон, Гюндоглы. Неподалеку, склонив голову, сидит Зухра, просит милостыню.

Сарыбек. Конечно, я должен за всем следить – где лучше, где хуже... В Ширазе - лучшие барашки, в Исфахане - персики, в Натанзе - груши, и нет дынь вкуснее хорезмских... Они должны быть зеленого цвета, с красной твердой душистой мякотью...

Бобожон. Торговать людьми – это другое наслаждение, Сарыбек-ака... У твоей дыни нет глаз. А когда ты видишь ужас, безнадежность и отчаянье во взгляде, ну, скажем, саклаба³⁴ или абиссинки... потреплешь ее по смуглой груди, а она покорно опускает глаза...

Сарыбек. Я тебе совсем про другое, возвышенное. Чанг звучит как горлица, а руд³⁵, как соловей... Это как аромат черного таразского мускуса. Его ни с чем не спутаешь. Или вот лошади – благородную текинскую всегда отличишь от низкорослой йомутской. Вот какой чай ты пьешь с утра?

Бобожон. Уйгурский. Часуйму – с молоком, солью и кунжутом.

Сарыбек. Не обижайся, дорогой Бобожон-ака, это напиток черни... Полезный, но грубый. Вот шибалгу или лонка-чай, или гюльбуй... Ну, Гюндогды – веди девчонку. Посмотрим, кому повезет.

Бобожон. Козочка...

Гюндогды. Цветочек...

Гюндогды входит в дом, появляется в проеме двери, за ним Джанане.

Сарыбек. Если повезет мне – тут же с ней отправлюсь к франкам, делать торговую сеть, как евреи-радхониты. Они и венецианцы лучшие торговцы, у них есть чему поучиться.

Бобожон. Лучшие торговцы – проклятые тамплиеры... Если эта козочка достанется мне... я получу удовольствие от каждой клеточки ее тела.

Гюндогды корчит рожи.

Сарыбек. Ну, что он там? Гюндогды!

³⁴ славянина.

³⁵ дворцовый музыкальный инструмент типа лютни.

Бобожон. Эй, иди сюда!

Гюндогды извлекает несколько звуков из свирели, показывает язык, скрывается.

Сарыбек. Ничего не понимаю. Девочка, иди сюда.

Джанане подходит.

Сарыбек. Давай деньги. Бросим жребий, и пойдем выбирать подарок.

Джанане. Я их уже отдала.

Бобожон. Как отдала?

Джанане. Отдала. Вы же трое пришли. Он мне вас показал. Я ему отдала.

Сарыбек. *(пауза)* Гюндогды, выходи. Гюндогды!

Бобожон. Ты можешь уже не кричать, Сарыбек-ака. Он сбежал. С нашими деньгами. И ловить теперь его бесполезно.

Сарыбек. Сбежал! Проклятье! Мерзкий шакал! А ты, глупая овца.

Джанане. Но вас же трое. Вы пришли втроем.

Бобожон. Ну, теперь не надо жениться. *(Джанане)* Ты будешь самой несчастной из моих рабынь.

Сарыбек. А почему не моей? Я имею такие же права.

Бобожон. Пусть халиф нас рассудит.

7

نگاه داشت

Нигах дашт.

Бдительность.

Не открывай своего сердца никому, кроме Аллаха, пока оно не перестанет узнавать никого, кроме Него. И не потеряй то, что нашёл.

Площадь у дворца. Кучки людей. Расходятся. Футувва.

ан-Насир. Что ж, хвала Аллаху, мы рассудили все дела на сегодня.

Бармакид. Именно так, великий халиф. Павлин благоденствия красуется в саду благополучия, Симург владычества расхаживает в саду счастья. Во всех краях мира гремит слава о справедливости халифа, на суше и на море, во всей вселенной говорят о его благородстве.

ан-Насир. Хватит. Посмотри на небо.

Бармакид. Приближается самум, великий халиф, нам лучше вернуться во дворец.

ан-Насир. Успеем.

Бармакид. Не припомню, чтобы самум был так рано, обычно это бывает на месяц-два позже. Это недобрый знак.

ан-Насир. Быть близко к тем нитям, что управляют судьбой... В этом есть особая сладость... Если Аллах пожелает, он возьмет мою жизнь когда захочет, и никакой дворец не поможет.

Бармакид. Так, великий халиф.

ан-Насир. *(проглядывает свиток, отбрасывает)* Меняются страны и города, уходят и приходят эмиры и султаны, умирают великие поэты и ученые... Только желание воровать, убивать, насиловать неизменно во все времена... Какой бы ни была религия, каким бы ни был правитель... Мы не доверяем иудеям и христианам, но у половины султанов и шахов вазирь из христиан и иудеев. У Салладина личным врачом был иудей Маймонид, ненавидящий христиан и презиравший мусульман. Мы пытаемся создать для наших подданных одну реальность, а в действительности она совсем другая, и, в сущности, от нас не зависит.

Бармакид. На всё воля Аллаха.

ан-Насир. *(замечает Сарыбека, Бобожона и Джанане в чадре)* Так, вижу старых знакомых, угостивших меня лепешкой.

Сарыбек. О великий из великих...

ан-Насир. Хоть и без особого желания.

Сарыбек. *(падает ниц, целует землю, за ним Бобожон)* Великий халиф, повелитель мира, светоч светочей, да хранит тебя день и ночь благая судьба!

ан-Насир. Грешному и порочному я могу показаться злым, но для добрых – милосерден я... Встаньте. Бармакид никогда не улыбается. Знаете почему? Бармакид.

Бармакид. Кто много смеется на этом свете, будет много плакать на том.

Сарыбек. Разве мы смеялись? Кто смеялся?

ан-Насир. Мы смеемся и не знаем – а вдруг Аллах ничего не принял из наших дел?

Бобожон. Великий халиф, я смеялся последний раз лет десять назад...

ан-Насир. Да, кажется, меня чуть не вышвырнули, как грязную собаку, самую нечистую из животных. *(Бармакиду)* Так?

Бармакид. Истинно так, повелитель, собака и свинья – самые нечистые. Ангел не войдет в дом, где есть собака.

ан-Насир. *(Сарыбеку и Бобожону, без улыбки)* Свинья и собака... А халиф войдет... Ну, вы-то честные мусульмане.

Бобожон. Повелитель!..

ан-Насир. Как много зависит от того, есть ли у тебя кусок лепешки, или нет... Но так или иначе вы мне его дали... А потом удар ветра, грохот, знаки судьбы... *(Бобожону)* Что, очень хочется меня убить, а? *(подходит, протягивает кинжал рукоятью вперед, футува хватается за оружие, он знаком останавливает ее)* Ну,

убей... Между нами нет никого, они не успеют (*кивает на футувву*) Убей, если тебя это успокоит, и плевать, что будет дальше.

Пауза.

Не можешь, боишься. Хочешь, чтоб было «завтра»... А я нет... Вот поэтому я халиф, а ты торгаш людьми. (*забирает кинжал, возвращается*) А с того, у которого нет даже куска лепешки ты бы самолично содрал кожу. Из удовольствия... Ну, вы не лучше других, хотя возможно и не хуже... (*обоим*) Очевидно, кому-то из вас выпал жребий? Можно праздновать свадьбу?

Сарыбек. Великий халиф, она не выполнила твоего царственного повеления.

ан-Насир. Не выполнила? Ай-ай-ай... А такая скромная с виду. Почему?

Джанане. Халиф, я... (*падает в обморок*)

Сарыбек. Великий халиф...

ан-Насир. Я спрошу тебя, когда сочту нужным. Поднимите чадру.

Джанане поднимают чадру, ан-Насир садится рядом с ней, разглядывает. Ей растирают виски, брызгают водой.

ан-Насир. Ну, а где третий, где храбрый туркмен, которого я хотел взять в свою футувву и дать отряд всадников? Вот он бы всадил в меня кинжал, не раздумывая.

Сарыбек. Он... он...

Бобожон. Он сбежал с нашими деньгами.

ан-Насир. Сбежал? Ха-ха...

Бобожон. Сбежал, шакал.

ан-Насир. И теперь, как мы, арабы, говорим, ходжа ходжу встретит в Мекке, то есть – ищи ветра в поле. Молодец!

Джанане приходит в себя, садится.

ан-Насир. (*Берет чашку, поит Джанане сам*) Я ведь велел тебе отдать деньги только всем троим, и никак иначе.

Джанане. Он показал мне их, что они все здесь... Все трое... (*плачет*)

ан-Насир. Он тебя обхитрил... Ты отдала десять тысяч золотых динаров...

Бобожон. Десять тысяч двести.

ан-Насир. Да. Я выкупил тебя у твоей дрянной тетки, и хотел устроить твою судьбу. Деньги были твоим приданым. Что же теперь?

Джанане. Я не знаю.

ан-Насир. Меня ненавидят все... Это так утомляет... Но я должен быть справедливым. Как только начинаешь быть справедливым, тебя начинают ненавидеть еще больше... Ты отдала деньги одному, а должна была отдать всем троим. Тогда бы никто не сбежал. (*Сарыбеку, Бобожону*) Что вы хотите?

Сарыбек. Великий халиф, пусть возвращает деньги, или... отдай мне ее, как рабыню. Она отработает.

ан-Насир. Отработает? Всей ее жизни не хватит...

Бобожон. Великий халиф, отдай ее мне.

ан-Насир. Ты продашь ее? Но никто не даст за нее таких денег. *(Джанане)* Ты поставила меня в трудное положение. Получается, я выкупил тебя... Я, владыка халифата, не притронулся к тебе... А ты украла... или помогла украсть чужие деньги – так получается. Совсем плохо. Или ты хочешь, чтобы в придачу к перстню я еще заплатил им десять тысяч динаров?

Бобожон. Десять тысяч двести.

ан-Насир. Ты дал только пять, Бобожон. *(Джанане)* У тебя есть только одно достоинство – к тебе еще не прикасался мужчина. Но это не стоит таких денег. Лучше надеть простецкую одежду и найти веселую бесстыдницу у багдадских бань, которая не знает, кто ты... Что скажешь, Бармакид?

Бармакид. Надо отдать ее им, халиф. Пусть делят, как хотят. Завтра глашатаи объявят по городу о твоей мудрости, справедливости, щедрости и великодушии.

ан-Насир. Великодушии?

Бармакид. Конечно. Ведь ты мог оставить ее себе и без всяких выкупов. А для них великая честь пожертвовать на мазары святых Багдада самому халифу...

ан-Насир. И она погибнет... *(Джанане)* Что ж, придется отдать тебя им. Только кому?

Хайда. Помоги ей. Ты же можешь.

Ходжа. И умри сам, так?

Джинн. Помоги ей. Не знаю, как ты будешь умирать, но жить с этим точно не сможешь.

Бобожон. Отдай ее мне, великий халиф, я верну почтенному Сарыбеку его деньги. Через некоторое время.

Сарыбек. Нет, великий халиф – мне. Лучше я верну ему деньги через... некоторое время.

Бахира. Ходжа!

Ходжа. Вы что все тут? И остальные вас не видят? Я точно юный Меджнун, одолеваемый джиннами...

Хайда. А я твоя Лейла. Только я не такая зануда, как она. Хочешь, я сейчас стану видимой, и как отчебучу что-нибудь такое?

Ходжа. «Такое» не надо.

Джинн. Хайда!

Ходжа. Для каждого из нас у жизни есть в запасе обиды, бедствия и горечь в каждом часе, и в каждом мгновенье.

ан-Насир. Если нет других мыслей – бросим жребий.

Хайда. Радости тоже есть.

Ходжа. Да, я это знаю... *(выходит из укрытия)* *(ан-Насиру)* Великий халиф.

ан-Насир. Так, так, так...

Бармакид. Повелитель, не знаю, что он тут делает, но лучше сразу отрубить ему голову, а уже потом ее спрашивать, зачем она тут.

ан-Насир. Погоди. Я так много слышал о нем, и так мало общался. Зачем ты сбежал тогда, у Харрана.

Ходжа. Великий ибн-Сина называл это стадным позывом. Козлиной дурью.

ан-Насир. Что?

Ходжа. Когда один козел вдруг куда-то побежит, все другие козлы тут же бегут за ним. Монах и дервиш побежали, и я, как козел, поскакал за ними.

ан-Насир. Смешно. Но не очень.

Ходжа. Силы уже не те.

Бармакид. Что-то я такого не припомню такого у ибн-Сины.

Ходжа. Ну, вы же знаете - у всего есть три смысла, три тайных имени. Читаешь – «монах», другой смысл – «лжец», третий – «козел».

ан-Насир. Да, не те силы, подсоберись.

Ходжа. Не получается. Стараюсь.

ан-Насир. В твоей котомке нашли уздечку. А где же ишак?

Ходжа. Он умер у стен Халеба. Чем-то этот город ему не понравился, и он решил туда не входить. Любой ценой.

ан-Насир. Очень жаль, очень жаль - я хотел бы посмотреть, на кого я так похож... А зачем ты сравнивал нас, это как-то глупо и невежливо.

Ходжа. Да, собственно и не сравнивал. Я сказал, что для Аллаха жизнь простого ишака не менее важна, чем жизнь халифа, даже такого славного, как ан-Насир. В сущности, мы все равны перед ним... Аллахом, конечно.

ан-Насир. *(Бобожону)* Бобожон, рубить голову как-то скучно. А что бы ты предложил?

Бобожон. Красные пчелы.

ан-Насир. Красные пчелы?

Бобожон. Так называют маленьких речных рачков-креветок, которые водятся в наших местах. Надо набрать их в мешок и посадить его туда. Ему понравится. Это будет чудная смерть – медленная, изнурительная, чудовищная... Боль ни с чем не сравнимая, повелитель. Особенно, когда прогрызут кожу, и возьмутся за внутренности.

ан-Насир. Подумаем. Но это потом. *(Ходже)* Как я понимаю, ты знал, что делаешь, появляясь здесь, и хочешь поучаствовать в этом деле.

Ходжа. Да.

Бармакид. Положи руку на Коран и назови себя.

ан-Насир. Я тебе говорил, что ты это сделаешь. Говори, что хочешь сказать. Красные пчелы будут чуть позже.

Хайда. О, Аллах!

Джинн. Мы не подумали!

Ходжа. Всегда есть о чем подумать еще. Выбор сделал я сам.

Бармакид. Повелитель, ветер усиливается. Лучше перейти во дворец.

ан-Насир. Нет. Аллах знает, кого наказывать. *(Ходже)* Что ты там бормочешь?

Ходжа. *(кладет правую руку на Коран)* Я – Насир-ад-Дин, ходжа.

ан-Насир. Насир... Мы с тобой тезки... Судьба замысловатая штука... Кто твои родители, и откуда ты родом?

Ходжа. Я не знаю. Я родился в пустыне на караванной стоянке... Мне говорили, что мать моя тут же умерла в горячке, а про отца я никогда вообще ничего не слышал.

ан-Насир. Грустно. Зачем ты в Багдаде?

Ходжа. Лет сто назад один слепой поэт был здесь и сказал - "Я нашел здесь людей в суматохе... Дело государей - пьянство, дело знати - собирание налогов, дело родовых вождей - ограбление чужого богатства и прелюбодеяние". Хотел посмотреть, сильно ли всё изменилось.

ан-Насир. Не сильно. Ты богохульник и еретик.

Ходжа. Я – мусульманин.

ан-Насир. *(пауза)* Итак, что ты хотел сказать?

Ходжа. Я хочу помочь вам разрешить это дело.

ан-Насир. Вот как? Любопытно.

Ходжа. Ведь каждое слово, сказанное великим халифом, должно быть исполнено.

ан-Насир. Именно так.

Ходжа. *(походит к Джанане, негромко)* Скажи им, что ты вернешь им их деньги.

Джанане. Я? Как? У меня ведь ничего нет...

Ходжа. Поверь мне, Джанане – скажи.

Джанане. Я не могу. Что я буду делать?

Ходжа. Пожалуйста, Джанане.

Джанане. Я...

Ходжа. Ну!

Джанане. Мне страшно. Где тот нищий дервиш, который хотел защитить меня?

Ходжа. Я не знаю, где он сейчас. Но, возможно, ты еще увидишь его, и он будет защищать тебя всю твою жизнь. Скажи.

Джанане. Я гибну. *(пауза, всем)* Все деньги целы. Они у меня. И я верну их. Я верну вам деньги!

Сарыбек. Вернет!?

Бобожон. Вернешь? Где ты их возьмешь?

ан-Насир. Ну, ты и наглец. Погибая сам, ты хочешь утащить в могилу и эту несчастную? Может, ты знаешь, где зарыт клад?

Ходжа. Веление халифа должно быть исполнено. Джанане, скажи еще раз.

Джанане. Я... отдам деньги... все... до последнего динара...

Ходжа. Только когда все они *(показывает на Сарыбека, Бобожона)*, трое, будут вместе.

Джанане. Когда все они будут вместе.

Ходжа. И никак иначе. Ведь именно таким было повеление великого халифа, управителя миров и избранника Аллаха. Приведите третьего, и она отдаст деньги.

Пауза. Ветер усиливается.

ан-Насир. Да. Я именно так сказал. Быть по сему во имя Аллаха.

Пауза. Гул. Деревья дрожат, ветер несет над землей лепестки цветов, мусор.

Бобожон. А-а! *(бросается на Ходжу, бьет, футувва оттаскивает его, он вырывается, срывает чалму, топчет ее, его хватают)*

Сарыбек. Десять тысяч золотых динаров!

Бобожон. Десять тысяч двести!

ан-Насир. Оставьте ее и его, и уйдите все. За этими двумя *(показывает на Сарыбека и Бобожона)* проследить особо. Пожелайте им доброго пути из Багдада. Я иду по городу.

Все уходят. Воины берут Сарыбека и Бобожона под руки, уводят, несколько воинов остаются стоять поодаль. Бармакид возвращается, накидывает на плечи ан-Насира лохмотья. Отходит к футуввуе.

8

ياد داشت

Яд-дашт.

Воспоминовение.

Пребывание с Богом. Достижение высшего предела в зикре.

ан-Насир. Самум усиливается, сейчас понесет песок... Город пустой – все прячутся... Я люблю бродить по пустому Багдаду... Ты женат, Ходжа?

Ходжа. Вообще-то да, наверное.

ан-Насир. Что значит «вообще-то, наверное»?

Ходжа. Значит – точно был женат когда-то... Как-то я шел по городу, по своим делам и встретил жену, она тоже куда-то шла, наверное к родственникам. Мы так обрадовались встрече, что не хотели расставаться, как будто с утра прошла целая вечность. Потом однажды я снова встретил жену, улыбнулся и поприветствовал ее. Она тоже улыбнулась и помахала мне рукой. Потом мы встретились и просто кивнули друг другу... Тогда я просто пошел вперед, а когда обернулся, увидел, что моя жена тоже просто идет вперед, по своим делам. И я уже не стал оборачиваться, а пошел дальше. И уже никогда не вернулся.

ан-Насир. Ты мог жениться на другой, а с этой развестись. Или жить с двумя.

Ходжа. Наверное... «позови меня, и будь между нами хоть адское пламя, моя любовь сделает легким путь сквозь огонь»... Наверное, меня никто не позвал.

Хайда. Ходжа!

Ходжа смеется.

ан-Насир. Ты что?

Ходжа. Да так, повелитель...

ан-Насир. Ты действительно веришь в Аллаха? В чем для тебя доказательство его существования?

Ходжа. Оно просто, халиф, как доказательство существования солнца. Доказательство существования солнца — само солнце. Если ты требуешь доказательства, просто не отворачивайся от него. Если ты требуешь доказательство существования Аллаха – не отворачивайся от Него.

ан-Насир. Я должен тебя казнить. Все тебя знают, и если я тебя отпущу, могут появиться сотни таких же. Они развалят власть халифа и халифат.

Ходжа. Ты думаешь? Не уверен... Гораздо хуже, когда мусульмане сражаются с мусульманами за чью-то власть, и брат убивает брата. Мы уничтожим себя сами, и отдадим на поругание. Уже скоро.

ан-Насир. Откуда они придут? С запада, севера? С востока?...

Ходжа. Я думаю, это будут те, кто не так давно стали называть себя монголами. Впрочем, я могу ошибаться. Аллах знает лучше.

ан-Насир. Зачем же ты шел к ним навстречу, в Гиждуван?

Ходжа. Я и теперь иду. Вне зависимости от того, дойду я теперь или нет... В сущности путь не важен, если ты знаешь цель... Я слышал, умер мой учитель... Хочу поклониться его могиле.

ан-Насир. Значит, ты действительно, мусульманин?

Ходжа. Я исследовал и крест и христиан... Его *(показывает вверх)* не было на кресте... Я был в древних пагодах и храмах индусов, но и там не было никаких следов Его. Я дошел до Герата и Кандагара. Я искал. Я искал Его. Но не было Его ни вверху, ни внизу, нигде. Решившись, я дошел до великой горы Каф, но и там я нашел только птицу Анка... И она молчала... Я отправился в Мекку, чтобы поклониться Каабе. Его не было там. Я спросил о нем Ибн Сину, но Он был выше мудрости Ибн Сины... Я заглянул в свое сердце. Там я увидел Его, а больше нигде Его не было... Я – мусульманин.

Появляются Монах, Дервиш, за ними Зухра в одеждах греков. Проходят мимо футуввы не оглядываясь и почти не останавливаясь. Через несколько мгновений все воины падают. Бармакид неподвижен.

ан-Насир. *(пауза)* Ну, тоже хотите спасти ее? Он уже всё сделал... Мне она не нужна. Она уже ничего не добавит к моим радостям или их отсутствию... Забирайте ее с собой, если готовы устроить ее жизнь...
(Монаху) Всё еще хочешь убить меня?

Монах. *(пауза)* Нет. Не хочу.

ан-Насир. Когда крадешь – крадешь у самого себя, когда убиваешь – убиваешь себя... *(кивает на Ходжу)* Вот он в этом лучше разбирается... Но я должен делать то, что должен. Вы этого не поймете. *(Ходже)* Что же с тобой делать?

Ветер свистит. Небо становится багровым.

ан-Насир. *(почти кричит)* Пусть решает судьба. На моей памяти это самый ранний самум. Это знак. Если он сейчас не утихнет, ты будешь казнен, что бы со мной ни случилось. Бармакид! *(Бармакид слегка кивает)* Если утихнет ... Я убью себя. Мне всё надоело *(достаёт кинжал)*

Ветер гудит. Дрожит земля. Песчаная пыль заволакивает всё. Темнеет. Города почти не видно, они как будто одни между небом и землей. Вокруг смерчи. Бармакид в стороне, держится за дерево, но не уходит.

Хайда. Ходжа, я не могу помочь тебе! Прости, прости, прости! Я люблю тебя! Я люблю тебя!

Джинн. Хайда, пошли! Надо возвращаться. Самум никогда не прекращается быстро. Сейчас здесь будет настоящее пекло.

Бахира. Хайда!

Джинн и Бахира исчезают. Хайда обнимает Ходжу. Ветер уносит ее.

Медленно всё стихает. Тишина, падающие в многократном эхе капли воды, как в Иреме. Далекий крик муэдзина: «Аллаху акбар, Аллаху акбар...». Все желтые, в песчаной пыли. ан-Насир неожиданно вскидывает голову, заносит кинжал. Монах и Дервиш бросаются, не дают ему убить себя. Подбегает Бармакид, помогает Дервишу и Монаху.

ан-Насир. *(освобождается, пауза)* Самум... Ветер из детства... Надо лечь на землю, там он слабее... Детство... Кусок горячей лепешки с овечьим салом в пустыне у костра... поиски волшебной черепашьей травы ушбет аль-куркаа с золотыми стеблями и листьями... Ребенком меня возили в Йезд, посмотреть на стрекочущие бадгиры, ловцы вера – тогда это было, как чудо... и на мрачные дахмы - башни молчания... звездопоклонники не хоронят умерших, чтобы не осквернять землю, а оставляют их в башнях на растерзание диким птицам... и первым кладут невинного ребенка... В детстве звёзды гораздо ближе, это понимаешь только к концу жизни... Их можно потрогать рукой... Всё. Это судьба. Ты свободен. Мне есть о чем подумать еще. Альхамдулиллях³⁶.

Дервиш. *(Ходже)* Я должен был защитить и спасти ее. Ты все сделал за меня.

Ходжа. Нет, рыцарь. Всё сделал именно ты. После поймешь...

Монах. Спасибо, ходжа. Скажи нам что-нибудь на прощанье.

³⁶ хвала Аллаху – аналог Аллилуйя.

Ходжа. Лев не станет есть собачье дерьмо. Даже если умрет от голода в своем логове. Как бы вы ни голодали и бедствовали, никогда не просите ни у кого покровительства... Вам будет еще о чем поспорить. Прощайте.

Бухара.

Толпа, много зелени – деревья, цветы, красивые здания. День.

Гюндогды. *(Идет, играет на свирели. Одни воины перед ним разгоняют толпу, другие за ним ведут связанных одной веревкой стариков. Опускает свирель, толпе)* Прочь, пошли прочь!

Охотник. *(в разодранной одежде сидит возле чайханы, курит трубку – гашиш)* Гюндогды, не спеши. В этом городе кладбищ больше, чем мечетей.

Гюндогды. Это правильно. Жизнь ничего не стоит. Если ты прожил ее правильно, в раю будет хорошо. У тебя знакомая рожа. Ты кто?

Охотник. Не помню.

Гюндогды. Но откуда ты меня знаешь?

Охотник. Не помню. Почему-то знаю, что ты – Гюндогды.

Гюндогды. Это зря.

Охотник. Да, конечно.

Гюндогды. *(кричит кому-то)* Давай их, шакалов, сюда.

Старики жмутся друг к другу.

Ходжа. *(появляется)* Благородная Бухара, благословенный город, как давно я не был здесь, как давно...

Гюндогды. Клади их всех на землю!

Ходжа. Есть четыре райских места на земле... И одно из них – между Бухарой и Самаркандом.

Охотник. Я не слышу птиц. Я не слышу их голосов.

Ходжа. Охотник!.. Ты нашел птицу Рух?

Охотник. Нашел... Белоснежную, огромную, мудрую.. Она о многом мне рассказала...

Гюндогды. Ходжа Насреддин! Ты здесь?

Ходжа. Ты тоже здесь. Слушай, твои друзья сильно огорчились, когда ты исчез.

Гюндогды. Друзья... У меня один друг – мой меч. Теперь я начальник личной охраны хорезмшаха Мухаммеда, деньги делают всё. И мне плевать на Сарыбека, и, тем более, Бобожона. Пусть только появятся здесь.

Ходжа. А что ты делаешь в Бухаре?

Гюндогды. Мне приказано наказывать тех, кто грабит караваны.

Ходжа. Ты ведь тоже грабил.

Гюндогды. Возможно, в другой раз не повезет мне, ха-ха.

Ходжа. Но это же старики? И, я вижу, они тоже туркмены?

Гюндогды. Конечно, старики. Старый добрый способ наказать грабителей – изловить их отцов и дедов. А самих их можно и не ловить, ха-ха, - на какое-то время грабежи прекратятся, я то уж знаю. А что туркмены... Да, туркмены. Но не из моего аула. А из аула моего двоюродного брата, ха-ха. Он всегда меня ненавидел. Теперь – пусть плачет.

Ходжа. Мы же мусульмане... Мы губим сами себя...

Охотник. Ад - вот он.

Гюндогды. Всё-таки твоя рожа мне знакома. *(кричит кому-то)* Давай!

Стариков развязывают, валят на землю. Палач обыденно и равнодушно придавливает коленом жертву к земле и выкалывает глаза. Переходит к следующему. Старики не кричат, лишь иногда слышны короткие негромкие стоны. Старики встают и, растопырив руки, идут в разные стороны, спотыкаясь, слепые.

Из глазниц течет кровь.

Площадь пустеет.

Охотник. Я должен встать... *(пытается встать, падает, снова встает, снова падает. Сдается – садится, затягивается трубкой)*

Гюндогды. Э, какие, смех один... *(делает знак воинам, они уходят)* Ходжа, расскажи что-нибудь веселое. Про самого себя. И я тебя отпущу.

Ходжа. *(бледен, глухо)* Однажды собака забежала во дворец. Огляделась, и увидела множество таких же собак вокруг. На всякий случай она оскалилась. Тут же все собаки оскалились в ответ. Тогда она зарычала. И тысячи собак, зарычали на нее. Сейчас они разорвут меня - подумала собака, и от ужаса начала лаять, чтобы защитить себя и отпугнуть других собак. Но тысячи собак начали лаять в ответ. И чем больше она лаяла, тем больше ей отвечали они. Утром эту собаку нашли мертвой среди тысяч зеркал, которыми был знаменит этот дворец. Она начала сражаться, и тысячи ее отражений начали сражаться с ней. Она погибла, сражаясь с собственными отражениями, окружающими ее. Когда-то Насреддин был наивным... был глупым... потом веселым, чтобы отраженное в других веселье согревало его в тяжелые дни в разных городах и странах... Возможно, мир лишь огромное зеркало, и ты видишь в нем только свои отражения. Но одно из них точно не Ходжи Насреддина.

Ходжа дружески хлопает Гюндогды по плечу, обнимает, другой рукой вонзает кинжал.

Что ты думаешь об этом, дорогой Гюндогды? Что? А, ты говоришь, что это надо осмыслить... Ну, присядь.

Сажает Гюндогды, берет у Охотника трубку и всовывает в рот Гюндогды. Укутывает халатом.

Ну, посиди, раз устал. *(всем)* О, он мудрец, Гюндогды. Он любит размышлять. Дайте ему отдохнуть... Он устал... Он знает, что главный джихад – это борьба со злом в собственной душе... Он найдет ответы на все вопросы.

Отходит в сторону. Пауза.

(Охотнику) Возвращайся на родину, румиец. Здесь тебе нечего делать. Сделай это прямо сейчас. И оставь Гюндогды свою трубку.

Охотник. А ты?

Ходжа. Я иду в Гиждуван.

Охотник. Это далеко?

Ходжа. Это рядом с Бухарой. Но я иду туда всю мою жизнь.

Охотник. Понимаю... Это так ...трудно?

Ходжа. У каждого по-своему... И... (*смотрит на Гюндогды*) может, теперь никогда не дойду. Скорее всего, я не должен был вмешиваться. Кто я такой, чтобы судить за Аллаха?

Охотник. Я не тот, кто бросит в тебя камень за это. Ты убил зверя.

Ходжа. Арабы считают риджль самым глупым растением на свете. Потому что он старается расти так близко к реке, что вода его смывает и уносит. Я – тот самый риджль. Я хочу, чтобы река несла меня далеко, неведомо куда. На пути в Гиждуван.... Прощай, охотник. Не надо здесь оставаться.

Охотник. Прощай.

Ночь. Снаружи, у самаркандских ворот Бухары, сады, гнезда аистов, дорога. Легкий ветер. Ходжа спит.

Хайда. Вставай, Ходжа, пора в путь.

Ходжа. Хайда, это ты... Слушай, я утром собирался идти... и вообще...

Хайда. Нечего спать, пора...

Ходжа. Ну, полчаса...

Хайда. Вот что, Ходжа Насреддин. Произошла одна очень неприятная для тебя вещь.

Ходжа. О, Аллах, что еще?

Хайда. У меня был День рождения. Мне исполнилось... неважно, сколько лет... в вашем исчислении много. Но теперь я могу быть всегда, где хочу – я взрослая.

Ходжа всхрапывает.

Хайда. Ты слышишь? (*будит*) И не смей храпеть. А врал-то, что не храпит.

Ходжа. Слышу. Сейчас я тебя поздравлю, только чуть-чуть...

Хайда. Успеешь еще поздравить. Потому что теперь я всегда буду рядом с тобой.

Ходжа. Что?

Хайда. Нечего спать в такую ночь. В такую ночь надо идти, чтобы звезды сверкали, чтобы ночные птицы пели и великий Аллах был близко-близко.

Ходжа. Сейчас пойду умоюсь.

Хайда. Сбежать не получится. И потом, там впереди река, ты же знаешь. В ней вполне можно окунуться перед утренним салат ассубх.

Ходжа. Ох...

Хайда. Звезды светят, Ходжа, небесные чанги, как у Лейлы, - переливаются и поют шелковыми струнами. Ты увидел меня в месяц фарвардин – сейчас полная Луна месяца тир сияет над твоей головой. Хвала Аллаху, господу миров. Надо идти.

Ходжа. Я убил человека, Хайда.

Хайда. Тем более надо идти.

Ходжа. Надо идти, Хайда. Надо идти. *(встает)* Однажды Ходжа Насреддин решил вылечить мулла. Как известно, лекарства делятся на сухие, влажные, холодные и горячие. Лечить надо по принципу противоположности. А это было очень трудно сделать, потому что мулла этот...

Далекий протяжный крик птицы Рух.

Идут.

К о н е ц

.

P.S. несколько мыслей Ходжи Абд аль-Халика Гиждувани.

Твое повседневное внутреннее состояние должно быть основано на знании дела, самодисциплине и религиозности. Изучай труды твоих предшественников и принципы Пророка Ислама, а также избегай общества невежественных суфиев. Всегда молись вместе со своим братством, но никогда не призывай к молитве, и не руководи молитвой.

Не ищи славы, поскольку слава приводит к бедам.

Не вмешивайся не в свое дело. Никогда не завязывай близкой дружбы с царями или их наследниками.

Не имей постоянного дома, и нигде не оставайся надолго.

Не увлекайся чрезмерно музыкой и священными танцами, поскольку их избыток разрушает чувства. Тем не менее, не отвергай священные танцы, поскольку многие почитают их и возлагают на них свои надежды.

Говори мало, ешь мало, спи мало. Держись подальше от толпы и учись ценить собственное одиночество. Не спорь с молодыми людьми, женщинами, а также богатыми и приземленными людьми. Ешь чистую пищу и избегай сомнительной еды. Откладывай супружество как можно дольше, поскольку супружество вызывает желания этого мира, а если ты привязан к этому миру, то твоя религия теряет смысл.

Не смейся слишком много, поскольку излишняя веселость разрушает чувствительность сердца. Тем не менее, всегда будь весел и будь готов радоваться вместе с другими людьми.

Не презирай никого, какие бы ни были причины.

.
